

Месть принцессы Джеллы

Автор:

Ксавье де Монтепен

Месть принцессы Джеллы

Ксавье де Монтепен

Классика приключенческого романа

Ксавье де Монтепен (1824–1902) – французский писатель, автор многочисленных авантюрно-исторических романов, пользовавшихся популярностью и в России. И хотя слава его никогда не превосходила славы его соотечественника Александра Дюма-отца, но чем-то их романы очень похожи. Может быть, тем, что и тот и другой ареной головокружительных походов своих героев избирали Историю... Маркиз де Монтепен был также весьма плодовитым драматургом, наводнившим парижские театры дешевыми мелодрамами с изобилием убийств, отравлений, подмен детей и иных потрясающих преступлений. В этом томе публикуется авантурный роман «Месть принцессы Джеллы» о захватывающем романтическом приключении молодого англичанина Джорджа Малькольма, невероятным образом оказавшегося в покоях дворца таинственной индийской принцессы, скрывающей лицо под маской. Это яркий образец колониального романа, полный восточной неги, невероятных приключений и бешеных страстей.

Ксавье де Монтепен

Месть принцессы Джеллы

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2010

© ООО «РИЦ Литература», 2010

Часть первая

Глава I

Роковое предзнаменование

В ночь с 10 на 11 июля 1830 года двенадцать индусов, медленно, трудно взбираясь по скалистой тропе, несли паланкин, сменяя друг друга каждые четверть часа. Во главе их шел масалчий, или факельщик. Впереди был Бенарес, а до него еще половина пути. Рядом с факельщиком шел молодой индус, почти ребенок, лет четырнадцати, – слабенький, маленького роста, с черными глазами, пристальный взгляд которых свидетельствовал о его уме и проницательности. Фигурка юноши четко выделялась на фоне всей группы и напоминала бронзовую флорентийскую статуэтку.

В десяти шагах от паланкина, верхом на худой, но сильной лошади, следовала весьма оригинальная личность. Внешне это был типичный англичанин, терпеливо сносивший все тяготы нелегкого похода и вздрагивавший при каждом толчке. Мы имеем в виду не породистого англичанина, а лишь карикатуру на него, особенно распространенную на провинциальных сценах Франции. Густые рыжие волосы обрамляли красное, старательно выбритое лицо, на котором отчетливо выделялись густые клочкообразные брови. Белый, сильно накрахмаленный галстук подчеркивал кирпичный цвет лица. Костюм англичанина состоял из черного сюртука, брюк и штиблет. Войлочная, с узкими полями шляпа, надетая на затылок, дополняла его наряд, чрезвычайно неудобный для путешествия под палящим солнцем Индии.

Прошедший день выдался жарким. К ночи большие черные тучи плотно закрыли серебряный диск луны. На горизонте время от времени вспыхивали зигзаги молний, но они лишь на мгновение освещали непроницаемую темноту. Казалось, буря уже приблизилась и вот-вот раздадутся первые удары грома.

Крутая, узкая и всеми забытая дорога извивалась между скалами, нагроможденными в страшном беспорядке, среди зарослей индийской опунции.

Носильщики, едва дыша и изнемогая от усталости и невыносимой жары, продвигались с большим трудом. Факел, время от времени поливаемый маслом, скупо освещал белые и красные тюрбаны индусов, отчего небольшой караван имел фантастический вид.

Оригинальный и даже комический оттенок всей картине шествия придавал англичанин, сидевший на низкорослой лошади, которая плелась позади всех.

После трех часов подъема караван достиг самой верхней части гористой и трудной дороги. В этом месте находилась широкая площадка, ограниченная огромными валунами, – за ними были крутые обрывы.

Восхождение завершилось, теперь предстоял спуск. Носильщики остановились. Рука в лайковой перчатке отдернула занавеску паланкина, и раздался звучный молодой голос:

– Казиль! Подойди сюда, мой мальчик, я хочу с тобой поговорить. – Эти слова были произнесены по-английски.

Молодой индус, которого мы сравнивали с бронзовой флорентийской статуэткой, тотчас приблизился к паланкину и спросил также по-английски, с легким акцентом:

– Что угодно господину?

– Почему мы остановились?

– Господин, восхождение на гору было трудным... Индусы выбились из сил и теперь отдыхают.

– Далеко ли до Бенареса?

– Шесть часов ходьбы.

– Значит, мы прибудем туда с восходом солнца?

– Да, господин, если только гроза не остановит нас на дороге.

– А ты думаешь, что все-таки начнется гроза?

– Боюсь, что да.

В тот же момент, словно подчиняясь заклинанию демона бури, небо пронзила яркая молния, а за нею последовал сильный, оглушительный удар грома, грозно повторенный горным эхом.

– Голос Шивы! – прошептал молодой индус, склонив голову и прижимая руки к груди. Остальные индусы упали на землю, а худая, с длинной гривой лошадь рванулась в сторону, едва не выбросив всадника из седла.

– Вы слышали, господин, – прошептал Казиль, – гроза приближается...

– Нам нужно торопиться, – сказал англичанин, – вели носильщикам продолжать путь, больше нигде не останавливаясь.

Казиль сказал несколько слов на местном наречии, и носильщики поднялись с земли, намереваясь двигаться дальше. Однако яркая вспышка молнии, а затем глухой удар грома превратили весь небесный свод в одну громадную наковальню. Раздался второй удар грома, и он был настолько близким, что люди снова прижались к земле. Подул сильный, порывистый ветер, сопровождаемый таким проливным дождем, что казалось, небо разверзлось для нового потопа.

Человек в черном прыгнул с седла и, держа лошадь под уздцы, приблизился к паланкину. Распростертые на земле индусы испуганно поднимали головы, били себя в грудь и торопливо выкрикивали какие-то молитвы, желая смягчить гнев рассвирепевших богов.

– Чего они ждут? – спросил англичанин.

– Господин, – ответил Казиль, – мы не можем идти дальше.

– Почему?

– Гроза не утихнет всю ночь.

– Какое нам дело до грозы! Если мы не можем ее избежать, то остановка не защитит нас ни от грома, ни от молнии. Вперед, в дорогу!

– Господин, это невозможно.

Англичанин сделал нетерпеливый жест.

– Через несколько минут, – продолжал молодой индус, – горная дорога станет непроходимой, ее размоют дождевые потоки. Если мы не останемся здесь, то будем смыты водой и разобьемся о скалы.

– Ничего себе перспектива! – воскликнул англичанин. – Что скажет об этом мой бедный Стоп?

Последние слова были адресованы человеку в черном, молча стоявшему возле паланкина. Тот почтительно снял мокрую шляпу и ответил:

– Ах, ваша честь! Я говорил и говорю, что Индия – проклятая страна! Мои волосы, мои бедные волосы, которые хорошенькие девушки Нортумберленда сравнивали с цветом спелой ржи, поседеют раньше времени. Как хорошо нам было в вашем доме в Осбери! Я спрашиваю себя: зачем, ваша честь, оставив милую Англию, вы поехали в такую даль, в эту забытую всеми богами землю, взяв меня с собой?

– Ты мог бы не ехать! Я же предлагал тебе остаться дома... Ты свободно мог принять любое решение.

– Совершенно верно! Я был абсолютно свободен, как и всякий подданный веселой Англии, но ваша честь хорошо знает, что если вам потребуется пройти через огонь – а это, я чувствую, непременно произойдет – или через воду, как сейчас, то вы можете рассчитывать на меня: я буду рядом. Однако тень имеет право жаловаться, и я пользуюсь этим правом...

– Да, все так, – смеясь, ответил господин, – ты предан... очень предан... отдаю справедливость. Но у тебя не хватает философского взгляда на некоторые проблемы...

– Это не моя вина. Если бы я учился, как ваша честь, в Кембриджском университете или в Оксфордском, то, может быть, я тоже был бы философом. Но тогда я был бы не лакеем, а дворянином, что, по правде говоря, не очень выгодно для вашей чести, так как вы с трудом нашли бы мне замену...

– Уж что-то слишком ты себя хвалишь, Стоп!

– Что ж, я делаю это вполне искренне. Не каждый знает, чего он стоит...

Разговор между господином и слугой был прерван новыми раскатами грома. Дождь полил еще сильнее, а ветер рвал занавески паланкина, заливая его обильными струями воды.

– Казиль, может быть, поблизости есть какая-нибудь пещера или грот, где можно спрятаться от дождя? – спросил англичанин.

– Не знаю, – ответил юноша.

Молнии, следовавшие без перерыва одна за другой, осветили в темноте небольшую площадку, на которой сгрудились путешественники. Но англичанин заметил на расстоянии двухсот – трехсот шагов какое-то строение, напоминавшее полуразрушенный замок с причудливыми башнями.

– Что это? – спросил он.

Казиль испугался.

– Это развалины храма, – волнуясь, произнес он. – Храма бога Шивы.

– Без сомнения, хоть один из сводов храма невредим и может стать для нас надежным убежищем. Думаю, что бог Шива, которого я уважаю, на нас не рассердится. Казиль, передай индусам, что мы направляемся к храму. В нем наше спасение.

Выслушав господина, Казиль, вместо того чтобы исполнять его распоряжение, стоял в нерешительности, неподвижный, как статуя.

– Что это значит? – в изумлении воскликнул путешественник. – Разве ты не слышал моих слов, упрямец? Или ты плохо понимаешь по-английски?

– Нет, я слышал и понял... – пробормотал Казиль, хотя по-прежнему в нерешительности топтался на месте.

– Так что же удерживает тебя здесь? Ступай! – приказал англичанин.

– Господин, мы находимся на священной горе, носящей название Беома! Немало ужасных рассказов мне довелось слышать об этом месте. Таинственное существо оберегает этот храм лучше целой гвардии сипаев... Тень Шивы, бога зла, живет в развалинах.

– Возможно, так оно и есть, – улыбнувшись, согласился путешественник, – но бог зла Шива, предоставив нам убежище от грозы, станет богом добра, а это, согласись, значительно лучше для всех...

– Храм – священное место для верующих, – торопливо начал пояснять Казиль, – неверующим оно несет проклятие.

– Останемся здесь, ваша честь, – прошептал Стоп умоляющим голосом, – останемся здесь! Я всегда невероятно боялся дьявола, а бог этих людей непременно должен быть для нас дьяволом! Переждем грозу здесь, а то нечистая сила изжарит нас. Вода лучше огня... Обойдемся без храма. Я его боюсь.

Вместо ответа господин из паланкина негодуяюще вымолвил только два слова:

– Я приказываю!

Молодой индус, подчинившись, отошел к людям, изнемогавшим под дождем, и заговорил с ними на родном языке. Один из них ответил. Казиль возразил, затем последовало несколько реплик низкорослого толстого индуса. Разговор затягивался, и путешественник решил прервать его.

– Ну что там? – спросил он, выглянув из паланкина. – Так и будем торчать под дождем?

– Господин, – извиняющимся тоном произнес юноша, – они отказываются повиноваться.

– Почему, черт возьми?

– Страх перед храмом непреодолим.

– Но разве я не нанял их, разве они не находятся у меня на службе, по крайней мере до прибытия в Бенарес?

– Все это так, господин. Они выполняют все ваши условия, готовы даже рисковать собой, они согласны идти дальше, даже если им придется погибнуть в горах, но ничто не заставит их войти в такую ночь в развалины храма и топтать землю, принадлежащую Шиве, грозному, всемогущему богу.

Путешественник понял, что любая его попытка заставить этих людей действовать вопреки их религиозным предрассудкам будет безуспешной и лишь затянет время.

– Ладно, – согласился он, выходя из паланкина, – я пойду один со Стопом.

– Я последую за вами, – прошептал молодой индус.

– Ты, Казиль? – удивился англичанин.

– Да, господин, если вы не против...

– Но разве ты не боишься, как другие твои соплеменники?

– Мое тело дрожит от страха, сердце бьется быстрее... Я знаю, что нас ожидает опасность, но я не могу бросить своего господина...

– Ты смелый юноша. Пусть индусы, трясущиеся от страха, принесут паланкин к развалинам.

– Они исполнят это, господин, обещаю вам.

Казиль сказал несколько слов индусам, и они тотчас же, подхватив паланкин на плечи, быстро пустились вперед, к указанному месту. Но по мере приближения к развалинам храма их шаги, сначала уверенные, становились робкими, нерешительными, и наконец они остановились на расстоянии нескольких шагов от храма.

– Господин, – сказал Казиль, взяв факел из рук масалчия, – они не сделают дальше ни единого шага. Пойдемте!

Глава II

Круглая комната

За сто лет до описываемых нами событий, в эпоху своего величия, храм Шивы, знаменитый далеко за пределами Индии, занимал большое пространство на самой вершине горы Беома, своими башнями и вычурными куполами возвышаясь над миром и упираясь в самое поднебесье. Во всяком случае, так казалось всем находящимся у подножия горы и взирающим на ее вершину с благочестивым трепетом.

В тот момент, когда путники, застигнутые грозой в горах, приблизились к развалинам храма, дождь все еще хлестал. Один портик храма, довольно хорошо сохранившийся, представлял удобный вход в развалины с той стороны, с которой подошли Казиль и два англичанина. С большим трудом они пробирались сквозь колючие, густо сплетенные между собой растения, мешавшие им идти, и наконец очутились внутри храма.

Дождь продолжал лить как из ведра. Сильный ветер стремился погасить пламя факела. Свет, исходящий от него, придавал странный вид массивным колоннам, украшенным великолепными барельефами с гигантскими слонами. Изредка

огненные молнии рассеивали окружающий мрак, и их беловатый свет выхватывал на миг громадные статуи, разбросанные по каменным плитам.

Молодой индус ожидал с минуты на минуту появления среди развалин бога Шивы и немедленной смерти пришедших к нему безумцев, не уважающих его святилища. Стоп с трудом сохранял спокойствие. Он то и дело оглядывался по сторонам, в любой момент ожидая нападения невидимого врага. И только англичанин, которого Стоп называл «ваша честь», был хладнокровен. Он осматривал храм, не выказывая при этом ни малейшей тревоги.

Опишем бегло этого человека, который должен стать героем нашего повествования.

Англичанин был в том возрасте, когда еще хочется познавать мир: двадцати восьми или тридцати лет, роста выше среднего, стройный; белокурые, вьющиеся от природы волосы падали кольцами на его высокий лоб. Небольшие бакенбарды такого же цвета обрамляли белое, без каких бы то ни было изъянов лицо, слабый румянец покрывал его щеки, а красивые голубые глаза дополняли выразительный, не лишенный благородства образ. Описанная нами его внешность могла бы показаться слишком женственной, если бы на лице не отражалось выражение решимости и отваги. На молодом человеке было парусиновое пальто, которое, намокнув от дождя, вырисовывало гибкий и в то же время сильный стан.

В тот момент, когда наши герои вошли в храм, раздался резкий крик совы. Казиль остановился. Через минуту крик совы повторился, но уже с другой стороны. Юноша сделал несколько осторожных шагов по каменному полу, затем снова замер. Закрыв глаза, он пробормотал сквозь зубы:

– Наши братья бодрствуют...

– Ага! – воскликнул англичанин, засмеявшись. – Ночные птицы не очень-то уважают священное место!

– Господин, – ответил Казиль, – сова освящена Шивой.

– У вашего бога, кажется, дурной вкус, – дрожащим голосом пробормотал Стоп. – Сова – проклятое творение природы. Она приносит несчастье. Я ненавижу этих

ужасных птиц. Когда они собираются ночью на старых крышах Осбери, я беру ружье и начинаю охотиться на них, убивая без всякого сострадания. Их отвратительный крик в этом каменном мешке не предвещает ничего хорошего. Уйдем отсюда, пока не поздно, ваша честь, уйдем как можно скорей.

– Ты очень похож на мокрую курицу, мой бедный Стоп! – улыбнулся англичанин.

– Не знаю, курица я или нет, – жалобно пролепетал лакей, – но я знаю, как неприятно быть мокрым с ног до головы. Я словно искупался в холодной Темзе. Между прочим, это весьма вредно для здоровья, так можно во цвете лет заработать ревматизм. И дай бог, чтобы я отделался только ревматизмом!

– Ты трус!

– Трус? О нет, я не трус. Никогда! Никогда...

– Кто же ты?

– Всего лишь благоразумный человек. Я отдал бы все свое годовое жалованье за то, чтобы вы походили в этом на меня.

– Довольно болтать, Стоп! Поищем лучше пристанище среди этих развалин. Гроза, как мне кажется, усиливается, черт возьми!

– Ваша честь! Ваша честь! – вскричал Стоп. – Ради Бога, ради Неба, не призывайте черта в это проклятое место. Мы и так зашли слишком далеко, и всякое может случиться... да вот... ах, боже мой...

Произнеся последние слова сдавленным голосом, Стоп громко вскрикнул, показывая рукой влево. Он начал пятиться, словно перед ним возник призрак с того света.

Молодой англичанин повернул голову в направлении, указанном Стопом, и рассмеялся, увидев то, что так напугало лакея. Это была безобидная статуя одного из индусских богов, с бычьей головой на крупном туловище.

– Ну что, ваша честь, – пробормотал Стоп, – ну что?

– Страх повредил твой рассудок, – заметил путешественник. – Тебе нужно уйти отсюда. Мы же с Казилем останемся здесь.

Стоп недовольно пробормотал:

– Ваша честь хорошо знает, что ни за что в мире я не брошу своего господина, тем более в минуту опасности! Если черту суждено унести вашу честь, пусть прихватит и меня...

– В таком случае оставайся и молчи.

– Молчу, молчу и буду повиноваться вашей чести. Но мне кажется, что я все правильно говорю.

Молодой англичанин взял из рук Казилия факел и начал осматривать развалины. С трудом пробираясь сквозь густые ветви вьющихся растений, они втроем обшарили все уголки храма. И вдруг молодой англичанин радостно воскликнул:

– Нашел!

Он раздвинул лианы, приоткрыв узкий проход, видимо некогда соединявший паперть храма с главным святилищем, предназначенным для торжественных обрядов, и шагнул в темноту. Вслед за ним, робко ежась, последовали остальные. При свете факела они увидели большую круглую комнату, стены которой еще сохраняли следы былой росписи. Сквозь налет времени проступали яркие цвета и четкие линии. Купол, оставшийся невредимым, прикрывал пространство святилища от неистовства бурь и ураганов. Плиты пола, покрытые мелкой пылью, тесно примыкали друг к другу.

– Победа! – воскликнул путешественник. – И благодарение Шиве! Бог зла оказывает нам ныне гостеприимство, за что я прославляю его!

Внутренний вид круглого зала, не имевшего в себе ничего страшного, кроме несоразмерных скульптурных изображений и ярко раскрашенных стен, казалось, разогнал страх лакея. Он с удовольствием осматривался вокруг, время от времени облегченно вздыхая.

– Господин, – сказал Казиль, обращаясь к путешественнику, – с вашего платья стекает вода... Я разведу огонь...

– Хорошая мысль, – заметил Стоп, – отличная мысль! Этот маленький индус не глуп!

– Огонь? – спросил англичанин.. – Но как же его добыть?

– А уж это предоставьте мне...

Казиль вытащил из-за пояса кинжал, с которым индусы никогда не расстаются, и вышел из зала. В его отсутствие англичанин еще раз внимательно изучил скульптурные изображения, стараясь понять их смысл. Барельефы, рисунки и изваяния представляли собой действующих лиц из священной поэмы «Рамаяна» и наивное воспроизведение многочисленных воплощений божества.

Вверху стены заканчивались оригинальным фризом, изображавшим головы слонов с длинными хоботами вперемежку с бычьими мордами с загнутыми рогами.

Стоп и его господин смотрели на украшения храма, время от времени произнося одну и ту же фразу:

– Какие безобразные идолы, какие безобразные идолы!

Через некоторое время вернулся Казиль с огромной охапкой ветвей и сучьев. Вскоре радостный огонек, а затем и яркое пламя осветили трех путешественников. Однако юноша не удовлетворился этим и снова исчез. Через минуту он возвратился с новой ношей – ковриками и подушками из паланкина.

– Господин, – сказал он, – вы не можете все время стоять. Гроза будет длиться всю ночь, вам необходимо отдохнуть, поспать, подкрепить силы.

– Благодарю, мальчик. Ты боишься, что я устану и не смогу идти дальше?

– Да, господин.

– Но ведь я – мужчина!

– Вы приехали из страны, где, как говорят, мужчины не могут иметь сильных мускулов и крепких кулаков...

– Ты хоть и моложе меня, конечно же, тоже устал после такой трудной дороги.

По губам Казия пробежала гордая улыбка.

– Не беспокойтесь, господин, – ответил он. – Мне не так много лет, но у меня есть сила и воля. Я могу, если потребуется, долго не есть и не пить, ходить под дождем и солнцем и при этом не уставать. Ваш отец может подтвердить сказанное мною, если вы передадите ему мои слова.

– Ты очень любишь моего отца?

– Люблю ли я его?! Да если бы не ваш отец, я был бы уже давно мертв. И умер бы ужасной смертью. Он спас меня. Я обязан ему жизнью. Я люблю его и люблю вас, потому что вы его сын. Если вам будет угрожать опасность, я не пожалею своей жизни, чтобы защитить вас. Я отдам ее за вас точно так же, как за него и за вашего брата Эдуарда.

Англичанин взял обе руки Казия и пожал их, прошепав с волнением:

– Доброе, благородное сердце! Ты любишь моего отца, любишь моего брата. А я, в свою очередь, буду любить тебя!

По бронзовой щеке молодого индуса скатилась слеза.

– А дикари не лишены чувств, честное слово, – вымолвил Стоп, с изумлением наблюдавший эту сцену. – Если бы у них еще была хорошая кухня...

Глава III

Таинственное посещение

Прошло полчаса.

Огонь продолжал гореть благодаря веткам, подбрасываемым Казилем в костер. Ветер снаружи бушевал все сильнее, но дождь перестал, молнии сверкали реже, изредка гремел гром.

– Гроза, кажется, проходит, – сказал путешественник, парусиновое пальто которого сохло у костра.

– Да, – ответил Казиль, – я ошибся, считая, что ураган продлится всю ночь, через два часа все кончится.

– И тогда мы сможем продолжать путь.

– Нет, господин. О путешествии раньше восхода солнца нельзя и думать.

– Почему?

– Нужно переждать, пока вода стечет с горных дорог. Поверьте мне и спите спокойно. Я вас разбужу, как только увижу, что можно двинуться в путь.

– Да, да, ваша честь, – поддержал мальчика Стоп, едва сдерживая зевоту. – Пospим, дремота одолевает меня...

– А ты? – спросил англичанин Казиля.

– Я буду бодрствовать.

– Разве ты из железа?

– Да, – просто ответил Казиль.

«Какой счастливец! – подумал Стоп. – Мне бы такую выносливость. У меня же подкашиваются ноги».

– Ладно, – сказал путешественник. – К тому же меня что-то лихорадит после этого ливня. Я с удовольствием отдохну час или два. Советую последовать моему примеру и Стопу.

– Благодарю, ваша честь, я непременно воспользуюсь вашим позволением.

Казиль разложил подушки у стены, и путешественник тотчас же прилег на них. Стоп, не имея подушек, растянулся на полу, проклиная жесткие плиты.

Что касается Казилья, то молодой индус, скрестив на груди руки, прислонился к стене напротив входа и стал потихоньку напевать какую-то индусскую мелодию, сходную по монотонности с напевом колыбельной песни, которой кормилицы во всех странах мира убаюкивают детей.

Не прошло и трех минут, как Стоп захрапел.

Глаза его господина оставались открытыми немного дольше, но постепенно его взгляд, устремленный на мрачный купол храма, потерял способность различать цвет и форму. Усталость взяла верх. Веки опустились, и он тоже заснул богатырским сном.

Через некоторое время недалеко послышался слабый крик совы.

Казиль, перестав напевать, внимательно вглядывался в кусты лиан, как бы выпрашивая у темноты, что это значит.

Крик ночной птицы больше не повторился, не нарушил ночного спокойствия. Но зато нечто фантастическое показалось в круглой комнате. Один из нижних барельефов, изображавших шестое воплощение божества, сдвинулся с места без какого-либо шума, образовав в стене четырехугольное отверстие. Это отверстие находилось как раз у подушек, на которых спал путешественник. Некоторое время отверстие оставалось свободным, но потом в нем показалась женская голова удивительной красоты. У женщины были черные роскошные волосы, заплетенные в косы, губы ярко-красного цвета и большие черные глаза, источавшие магнетические токи. Взгляд остановился на лице спящего и, казалось, не мог оторваться от него. Затем зрачки глаз блеснули подобно бриллиантам. Губы открылись для улыбки, обнажив при этом ряд зубов, которые могли бы соперничать с жемчугом.

Сверхъестественное или земное существо, которому принадлежало это лицо, должно было быть царицей или феей...

Спустя несколько минут видение исчезло, но отверстие оставалось открытым.

Неожиданно одна из плит в комнате отодвинулась почти у самых ног Казиля. Мальчик хотел закричать, но не мог. На месте, где раньше находилась плита, появился индус гигантского роста. Этот человек приложил палец к губам, а другой рукой сделал какой-то таинственный жест. Казиль, без сомнения, понял его, и губы мальчика, открывшиеся для крика, снова сомкнулись. Не страх, а страдание и печаль были теперь на лице Казиля.

Индус вышел из отверстия подобно сказочным чародеям, остановился перед Казилем и, дотронувшись пальцем до его плеча, откинул широкий рукав, открывший мускулистую руку, и показал мальчику синий знак, вырезанный на его бронзовой коже.

Казиль взглянул на знак и сделал слабое движение, вызванное страхом перед гигантом.

Индус приблизился к англичанину, все еще глубоко спящему, и, став перед ним на колени, начал водить над ним руками подобно гипнотизеру.

Прекрасная женщина опять появилась в отверстии. Она следила за каждым движением индуса.

Вскоре дыхание молодого человека стало порывистее и громче, его тело вздрогнуло. Потом наступило полнейшее спокойствие, скорее похожее на смерть, чем на сон.

Тогда индус вынул из-за складок пояса пузырек с красной как кровь жидкостью и, налив несколько капель на руку, потер ею виски англичанина. Но это было только началом. Индус подошел к лакею и проделал с ним ту же операцию, что и с господином. Затем возвратился к англичанину и, по-видимому уверенный в том, что тот уже не проснется, поднял его на руки с такой легкостью, как поднимают ребенка.

– Неужели сыновья Бовани решили умертвить иностранца? – спросил Казиль дрожащим голосом у проходившего мимо индуса.

Гигант отрицательно покачал головой.

– Какие будут приказания?

– Оставайся здесь.

– До какого времени?

– До моего возвращения.

– Когда же?

– Следующей ночью.

Казиль протянул руку по направлению к Стопу и спросил:

– А что делать, если проснется этот человек?

– Он не проснется.

– Он жив?

– Да, но его сон очень похож на смерть, и он будет спать целые сутки.

– Индусы, несшие паланкин иностранца, не осмелились войти в храм и ждут снаружи.

– Пусть ждут.

– У них нет еды.

– Еду принесут.

– Повинуюсь...

Затем индус направился к отверстию и исчез в нем вместе с англичанином. Плита захлопнулась и скрыла таинственный ход. В ту же минуту исчезла и прекрасная женщина, наблюдавшая за всем происходящим в комнате. Нижний барельеф стал на свое место, и в круглой комнате воцарилось молчание.

Последуем за индусом.

Спустившись по лестнице, он вошел в подземную комнату, слабо освещенную маленькой лампой, стоявшей на большой глыбе гранита. В середине этой глыбы, в углублении, была кровь, как будто еще вчера на ней совершали ужасное жертвоприношение.

Не успел индус спуститься с последней ступеньки лестницы, как перед ним возникла прекрасная женщина, уже укутанная в белое покрывало. Она была среднего роста, прекрасно сложена. Драгоценные перстни украшали ее маленькие обнаженные руки.

– Я исполнил ваше приказание, госпожа, – сказал индус негромким голосом. – Вот иностранец...

– Как он прекрасен, Согор, не так ли? – сказала молодая женщина.

– Не знаю, госпожа.

– Ты разве не смотрел на него?

– Конечно, смотрел, но не нахожу ничего особенного в красоте белого лица и в волосах солнечного цвета. Я не считаю мужчинами тех, которые похожи на женщин.

Молодая женщина улыбнулась под вуалью.

– Согор, – спросила она, – где немые?

– В подземной галерее с паланкином.

– Хорошо, я отопру железную дверь.

– Куда мы пойдём, госпожа?

– Во дворец.

– Должен ли я идти впереди?

– Нет, немые отнесут иностранца в паланкине.

– Но там может поместиться только один человек.

– Я пойду пешком.

– Но...

Молодая женщина прервала индуса повелительным жестом, не терпящим возражений.

Согор поклонился и замолчал.

В одной из стен подземной комнаты виднелась массивная железная дверь, похожая на те, которые обычно закрываются за осужденными на смерть. Женщина, отвязав от пояса ключ, отперла ее. За дверью шла галерея, которая, казалось, служила дорогой к центру Земли. Двенадцать негров, одетых в красное платье, с цветными тюрбанами на головах, стояли возле паланкина. Двое факельщиков находились тут же.

Все эти люди были действительно немые, и ни один из них не умел писать. Поэтому им смело можно было довериться, не опасаясь их излишнего любопытства.

Глава IV

Сцена из индийской сказки

Негры при появлении прекрасной женщины упали на колени лицом к земле, как будто перед ними предстала небожительница.

Индус, которого, как мы уже знаем, звали Согор, открыл занавески паланкина и, положив на мягкие подушки бесчувственное тело англичанина, отдал неграм приказание идти.

Носильщики тотчас же встали и, подняв паланкин на плечи, отправились в дорогу размеренным шагом. Впереди шел высокий факельщик. Согор и молодая женщина следовали за ними.

Галерея, в которую мы ввели наших читателей, по своим гигантским размерам представляла любопытное зрелище. Даже римляне, властители древнего мира, не создали ничего подобного.

Вообразите туннель длиною более чем в целое лье, сначала прорезывающий гранитную гору, потом спускающийся под наклоном и, наконец, оканчивающийся кирпичной лестницей в двести пятьдесят ступеней.

Согор, взяв на руки англичанина, быстро вышел из туннеля и, поднявшись по высокой лестнице, достиг медной двери. За нею находилась большая комната, украшенная с восточной роскошью и, без сомнения, служившая передней подземного дворца.

Индус, все еще обремененный своей ношей, прошел переднюю и, миновав анфиладу богато убранных комнат, остановился в круглом будуаре, освещенном золотой люстрой. Этот будуар, обитый шелковой материей самых ярких цветов, поражал своим великолепием и изысканностью, хоть в нем не было никакой мебели, кроме одного низкого широкого дивана, стоявшего у стены и поддерживаемого ножками из слоновой кости, упиравшимися в богатый персидский ковер. Шелковые занавеси закрывали все двери.

Именно в этой комнате Согор оставил англичанина, положив его на диван. Затем индус низко поклонился и вышел из комнаты.

Молодая женщина сбросила вуаль, и ее лицо, ставшее при свете золотой люстры еще бледнее, открылось во всей своей дивной красоте. Ее глаза принимали странное, постоянно меняющееся выражение.

Женщина опустилась на колени перед диваном и в течение нескольких минут любовалась белокурой головой спящего. Потом нежно поцеловала его в лоб, вынула из-за лифа флакон, как две капли воды похожий на склянку в руках Согора, и дала его понюхать молодому человеку.

Слабое, едва заметное дыхание англичанина в тот же момент стало учащенным, а веки дрогнули.

Увидев, что пробуждение вот-вот наступит, женщина поспешно поднялась и, пройдя по будуару, исчезла за портьерой.

Прошло две или три минуты. Англичанин окончательно проснулся, открыл глаза, приподнялся на диване и осмотрелся.

Легче понять, чем описать охватившее его чувство удивления. Заснув в храме, под мрачным куполом круглой комнаты, он проснулся в восхитительном будуаре...

Но растерянность продолжалась недолго. И он, улыбнувшись, прошептал:

– Сказывается влияние Востока... Индия, страна фантазий и сказок, вскружила мне голову... Я грежу и в своих сновидениях уношусь в какие-то сказочные чудеса. Если со мной произойдет что-либо еще более необыкновенное, я этому не удивлюсь...

Едва он успел окончить свой короткий монолог, как издалека слышалась тихая, приятная музыка. Играли на каких-то неизвестных ему инструментах. Но где находились таинственные музыканты? Англичанин никак не мог установить это. Звуки раздавались всюду – и наверху и внизу, то удаляясь, то приближаясь...

Молодой человек улыбнулся и снова прошептал:

– Мой сон продолжается... он очарователен! Грезить так – значит жить вдвойне... я...

Но он не успел договорить. Часть стены без шума раздвинулась, и он увидел комнату с мраморными стенами. В середине комнаты бил фонтан, вода которого переливалась всеми цветами радуги при свете окружавших его ламп.

– Прекрасно, прекрасно, – бормотал англичанин, – сон усложняется. Лучшего не покажут и в театре Друри-Лейн в нашем славном Лондоне. Не хватает только балета!

Казалось, что таинственная, всемогущая сила решила исполнять желания англичанина. Едва его губы успели прошептать последнюю фразу, как несколько баядерок вбежали в комнату с танцами, которыми так славится Восток.

Прозрачность костюмов открывала пластическую красоту их тел, достойных сравнения с античными статуями. Баядерки образовывали очаровательные группы, временами оставаясь почти неподвижными, иногда же их танец состоял только из быстрых, чувственных движений стана и ног.

Англичанин с удивлением и восторгом наблюдал это зрелище, тихо говоря:

– Мне следовало бы аплодировать, но боюсь... ведь я могу проснуться, а тогда прощай наслаждение.

Неожиданно свет серебряных ламп стал гаснуть, музыка затихла, баядерки исчезли, стена будуара стала на прежнее место.

«Неужели они танцевали только для меня? – подумал англичанин. – Да и какой конец будет у моего сна? Не сойдет ли ко мне принцесса Бадрульбудур? Или королева Анна? Ах, эти восточные сказки!..»

В этот момент приподнялась одна из портьер, и в будуар вошла женщина, одетая в восточный костюм; бархатная полумаска скрывала часть ее лица.

Тонкая и гибкая талия таинственной женщины, прелестные руки, плечи, как будто изваянные из мрамора, свидетельствовали о ее молодости и красоте. В

течение нескольких секунд она стояла на пороге. Можно было подумать, что застенчивость мешала ей идти дальше.

– Ах! – воскликнул англичанин. – Какое чудное видение! Ну почему это только сон? Я отдал бы год жизни, чтобы этот сон превратился в действительность!

Он не успел окончить этой фразы, как незнакомка, преодолев свою нерешительность, приблизилась к дивану и спросила:

– Как тебя зовут?

Англичанин встрепнулся.

«Как мне быть? – подумал он. – Должен ли я отвечать? Разговор с призраком?! Едва я открою рот – и видение исчезнет. А это будет так досадно...»

– Почему ты молчишь? – продолжала таинственная незнакомка. – Сегодня ночью ты мой гость, и я имею право знать имя человека, которому оказываю гостеприимство.

Англичанин наконец решился:

– Меня зовут Джордж Малькольм.

Глава V

Сцена из индийской сказки

(продолжение)

– Джордж Малькольм, – прошептала незнакомка, – мне кажется, я уже слышала это имя. – Потом спросила: – Ты англичанин?

– Да, сударыня...

– Дворянин?

– Один из моих предков сражался рядом с Робертом Брюсом.

– Когда ты выехал из Англии?

– Два месяца тому назад.

– Что привело тебя в Индию?

– Желание моего отца, к которому я еду.

– Как зовут твоего отца?

– Сэр Джон Малькольм.

– Какую должность он занимает?

– Он главный судья в Бенаресе.

Незнакомка тихо прошептала:

– Джон Малькольм! Главный судья! Опасный сыщик! Я не ошиблась, так как действительно слышала это имя...

Наступило молчание. Потом незнакомка продолжала:

– Что ты думаешь о своем присутствии здесь?

– Вы требуете откровенного ответа? – с улыбкой спросил молодой англичанин.

– Конечно.

– Я думаю, что нахожусь во сне, и только от вас зависит сделать его еще прекраснее.

- Что я должна для этого сделать?
- Снять маску, скрывающую ваше прекрасное лицо.
- Почему ты решил, что я красива? Ты можешь ошибиться.
- О нет, сударыня, я не ошибаюсь. Я очень волнуюсь, находясь рядом с вами.

Незнакомка улыбнулась:

- Ты говоришь это всем женщинам!
- Я не говорил этого ни одной женщине.
- И ты никогда не любил?
- Нет.
- Ты ведь не знаешь меня...
- Я восхищен вами...

Джордж Малькольм – ничто не мешает нам называть его этим именем – приподнялся с дивана и, схватив руки незнакомки, страстно поцеловал их.

- Сударыня, – продолжал он, – заклинаю вас, снимите маску. Позвольте мне взглянуть на ваше лицо! Разрешите мне обожать вас!
- Даже рискуя лишиться твоего обожания, я не могу исполнить того, чего ты желаешь: я не сниму маску...
- Но почему?
- Не хочу!

Последние слова были произнесены твердым, повелевающим голосом.

Но потом, чтобы смягчить резкость, незнакомка прибавила:

– Если моя маска не пугает тебя, Джордж Малькольм, мы можем поужинать с тобой... Согласен?

– Еще бы! – ответил Джордж. Это новое дополнение к необыкновенному сну чрезвычайно изумило его. «Говорить во сне, брать руки женщины и целовать их – куда ни шло. Но ужинать!» Он ничего не мог понять и был убежден, что все это видит во сне, так как хорошо помнил, что, разбитый усталостью, заснул в храме бога Шивы.

В то время, когда молодой человек раздумывал о необычности и странности своего положения, незнакомка отошла от него на несколько шагов и хлопнула в ладоши.

Тут же появились четыре негра в экстравагантных нарядах из пунцового атласа, окаймленного золотом, несших отлично сервированный стол. Положив по обе стороны от него подушки, они удалились.

– Джордж Малькольм, – сказала незнакомка, – окажи честь отужинать со мной...

«При первом же моем движении, – подумал англичанин, – все исчезнет».

Тем не менее, считая неприличным заставлять даму ждать, он поднялся с дивана и с крайним изумлением почувствовал, что хорошо стоит на ногах, как если бы это было наяву.

Незнакомка, взяв его за руку, подвела к подушке и заставила сесть, а сама села напротив.

Стол буквально ломился от всевозможных кушаний. Блюда, находившиеся на нем, окружали десерт, состоявший из лучших европейских и индийских фруктов. Французские, испанские и немецкие вина были перемешаны с кипрскими.

– Я буду угощать тебя, Джордж Малькольм, – сказала незнакомка, кладя ему на тарелку крылья фазана. Потом, наполнив стаканы вином, прибавила: – Попробуй вот этого хереса восемьдесят девятого года.

Джордж Малькольм медленно проглотил драгоценную влагу и почувствовал, что она, пробежав по его жилам, разогрела кровь и заставила сильнее биться сердце.

Ужин, начавшийся таким образом, окончился необыкновенно весело. Наш герой показал себя светским человеком, образованным, веселым, остроумным. Он ел как любой другой проголодавшийся путешественник, пил как пьет англичанин, знающий, что его голова крепка и застрахована от опьянения, чтобы не ударить лицом в грязь.

Таинственная незнакомка ни в чем не уступала ему и отвечала на все с пикантной оригинальностью.

Постепенно, под влиянием вин и сладостных мелодий, их разговор принял любовное направление.

«Сон, начавшийся так хорошо, не может плохо окончиться, – подумал Джордж Малькольм. – Посмотрим, что еще готовит мне моя счастливая звезда».

Он подошел к женщине, взял ее руки и горячо поцеловал их.

Была полночь, когда Согор, как мы уже рассказали, исполняя поручение прекрасной женщины, похитил Джорджа Малькольма из круглой комнаты в храме Шивы.

Мы просим читателя последовать за нами в ту самую комнату на следующую ночь, через сутки после похищения молодого англичанина.

Там мы снова находим Стопа и Казилья. Действие наркотической жидкости было таким сильным, что лакей ни разу не проснулся. Казиль же, сидя на подушках, служивших Джорджу Малькольму в течение какого-то часа постелью, бодрствовал. Его лицо выражало сильное беспокойство, а развитый слух пытался уловить малейший шум.

Хотя факел, взятый у масалчия, погас, круглая комната не была погружена в темноту. Безоблачное небо было усеяно множеством ярких звезд. Серебряный диск луны также освещал своими бледными лучами вековые развалины...

Вдруг Казиль, сделав быстрое движение, встал. Он услышал крик совы, доносившийся из подземелья храма.

– Вот они, – прошептал Казиль. – Что же будет? Сын человека, которому я обязан жизнью, в их руках. Я боюсь за своего господина...

И Казиль ждал, едва переводя дыхание. Спустя несколько минут уже известная нам плита приподнялась, и появился Согор, неся на руках крепко спящего англичанина.

Лицо Казилья посветлело, и радость сверкнула в его черных, глубоких глазах.

Согор положил Джорджа Малькольма на подушки из паланкина, потом, указав на Стопа, спросил:

– Этот человек не просыпался?

Казиль покачал головой:

– Нет.

– Хорошо, – отвечал индус, – я на это и рассчитывал.

Затем, вытащив флакон, он поднес его к ноздрям спящих и, повернувшись к Казилью, сказал:

– Через минуту они оба проснутся.

Пробуждение

– Что мне теперь делать? – спросил Казиль.

– То же самое, что бы ты делал вчера, не случись грозы. Ты должен проводить этого англичанина в Бенарес, – отвечал Согор.

– Что мне отвечать на расспросы?

– Ты ничего не видел, не слышал, знаешь только, что эти люди долго спали.

– Повинуюсь...

– Очень хорошо... Сыны Бовани всегда слушаются и никогда не возражают.

Сэр Джордж и Стоп зашевелились. Согор бросился к проходу, и сдвинутая им плита стала на место.

Прошло минут пять. Господин и лакей открыли глаза. Взгляд Джорджа устремился на стены круглой залы, он узнал мрачный купол, странные барельефы. Безграничное удивление было на его лице.

– Неужели я действительно все это видел только во сне? – прошептал он.

Стоп, потирая бока, в свою очередь, ворчал:

– Черт бы побрал эту Индию! Проклятый храм оказался сырее самого мерзкого погребя. Я, конечно, хорошо спал, но зато тело у меня разламывается, как будто я всю зиму охотился в Нортумберленде! Желудок же совершенно пуст, и страшно хочется есть.

Сэр Джордж встал с подушек и, подойдя к выходу, соединявшему круглую комнату с развалинами, посмотрел во двор, приняв бледный свет луны за рассвет.

– Мы спали долго, – сказал он, – уже наступает утро.

– Вы ошибаетесь, – ответил молодой индус. – Сегодня очень лунная ночь.

– Что ты говоришь?! – вскричал англичанин. – Значит, ночная гроза быстро прошла?

– Еще вчера, господин...

– Вчера? Я не понимаю тебя.

– Мы здесь находимся уже целые сутки. Ночь сменилась днем, а день ночью.

– Это невозможно! – воскликнул Джордж.

– Я говорю правду, господин! Вы оба спали, и ваш сон был настолько глубок, что я не осмелился разбудить вас.

– Я уверен в этом, ваша честь! – подтвердил Стоп. – Теперь мне понятны судороги в желудке. Не есть в течение двадцати четырех часов... Я умираю с голоду. Пусть ваша честь спросит у своей совести, то есть, я хочу сказать, у желудка. Он должен чувствовать то же самое, что и мой, так как ваша честь постилась столько же времени, сколько и я.

– Вот ты и ошибаешься, – возразил Джордж, внимательно глядя на Казилу и изучая его.

– Ваша честь изволили завтракать?

– Нет, но зато я ужинал.

– А! Когда же это?

– Прошлой ночью.

– И где же?

– Не знаю.

– Ваша честь шутит! Ваша честь насмехается надо мной!

– Никогда в жизни я не был так серьезен.

– Но тогда, значит, вы не все время спали?

– Может быть... Что нам скажет по этому поводу Казиль?

В течение всего разговора господина со слугой лицо молодого индуса оставалось безразличным. Можно было подумать, что он ничего не слышит.

Когда же сэр Джордж прямо обратился к нему, он ответил:

– С тех пор как вы уснули, я бодрствовал и видел, что ваши веки во время сна ни разу не приподнялись.

Это было сказано Казилем таким убедительным и чистосердечным тоном, что молодой англичанин почувствовал тут же, как рассеялись его последние сомнения.

– Мне все приснилось! – разочарованно сказал он.

Любопытство заставило Стопа наострить уши. Подойдя к господину, он спросил:

– Как, ваша честь видела сон?

– Да.

– Приятный?

– Восхитительный!

– Вероятно, ваша честь ужинала, и ужинала так хорошо, что не чувствует голода? Со мной, к несчастью, не случилось ничего подобного.

– Я действительно находился в стране чудес...

– Так вам приснилось еще что-то?

– Конечно.

Казиль, внешне спокойный, слушал рассказ с еще большим любопытством, чем Стоп, зная, что предполагаемый сон Джорджа Малькольма происходил в действительности.

– Во сне я ужинал не один.

– Наверное, Бог послал вам веселого собеседника?

– Собеседника? Нет. Собеседницу...

– О! Это еще лучше. И хорошенькую?

– Необыкновенно прекрасную... Впрочем, я могу только догадываться, потому что на ее лице была черная бархатная маска, которую она отказалась снять, несмотря на все мои просьбы.

– Странное упрямство! Такое я видел однажды, и то лишь в парижской Опере... Ну и как вела себя дама?

– Я поклялся ей в любви; и клянусь честью дворянина, в ту минуту я говорил от всего сердца.

– Такое бывает после ужина. Все знают, что такие обещания ни к чему не обязывают!

Джордж Малькольм засмеялся:

– Уж не принадлежишь ли ты, Стоп, к числу ловеласов?

– Да нет. Не совсем. Но каждый раз, когда мы бывали в Лондоне, дамы очень меня баловали.

Затем, немного выждав, Стоп спросил:

– И дама в черной маске поверила клятвам вашей чести?

– По крайней мере, внешне.

Стоп приложил палец правой руки к левому глазу и лукаво произнес:

– Ну а потом?

– Потом я почувствовал, что непреодолимый сон овладевает мной... голова закружилась, и я потерял сознание... Если случившееся со мной было сном, то и теперь вряд ли я бодрствую.

– О, ваша честь не спит сейчас, так же как и я! – вскричал Стоп. – Можно смело поклясться в этом!

– Но как объяснить это странное явление... этот длительный сон, овладевший нами обоими?

Джордж Малькольм опять повернулся к Казилю:

– Известны ли тебе подобные случаи?

– Да, господин. Гроза часто оказывает подобное действие на впервые приехавших в нашу страну.

У Джорджа Малькольма не было причин подозревать молодого индуса во лжи, и поэтому он поверил ему.

– Надеюсь, ничто не сможет помешать нам продолжать путь?

– Конечно, господин. Люди отдохнули, погода хорошая, ночь светлая, а дороги сухи. Еще до восьми утра мы будем у цели.

– И я скоро обниму отца и брата! – прошептал Джордж.

– А я отлично пообедаю, – добавил Стоп, – а пока покрепче затяну ремень.

Казиль собрал подушки, и наши герои направились к индусам, которые, сидя на земле, терпеливо ожидали их.

Луна освещала уступы гор, вдали виднелся спавший Бенарес, а за ним, подобно громадному змею с серебристой чешуей, извивался Ганг.

Казиль издал гортанный крик, сообщая о приближении господина. Индусы вскочили, масалчий зажег факел, худая лошадь Стопа была оседлана.

– Господин, – сказал Казиль, положив в паланкин подушки, – все готово, входите!

– Нет, – отвечал сэр Джордж, – мои руки и ноги оцепенели от длительного сна, я пойду пешком. Дай знак – и в дорогу!

Караван двинулся. Носильщики шли впереди, за ними следовали молодой англичанин с Казилем, а Стоп, по обыкновению, замыкал шествие.

Продвигались быстро и молча. Казиль говорил только тогда, когда его спрашивали, а Джордж Малькольм, ушедший в воспоминания о странном сновидении, не произносил ни слова. Наконец он решил отогнать навязчивые мысли, подозвал Казилья и спросил:

– Ты несколько раз упоминал, что мой отец, сэр Джон Малькольм, спас тебя от смерти?

– Да, господин, это правда.

– Расскажи мне, пожалуйста, как это случилось.

– Мне приятно повиноваться вам, так как сердце мое сильнее бьется при мысли о сэре Джоне Малькольме.

Глава VII

Рассказ Казилья

– Это случилось два года тому назад, мне уже исполнилось двенадцать лет. Однажды я вздумал пойти поудить рыбу...

– Карпов?

– Мы не так ее называем, – ответил Казиль. Затем, произнеся какое-то странное название, продолжал: – Эта рыба водится около берегов, покрытых лесами. В особенности ее много в Ганге около Рамгаратского леса, в трех милях от Бенареса...

Имея при себе удочку и мух, я покинул Бенарес на рассвете и через два часа был уже на месте. Не отдыхая ни минуты, принялся удить рыбу, но она не шла.

Тогда я отправился вдоль берега найти место получше, но все было напрасно. Вскоре я обнаружил около одного дерева рыбацкую лодку. Мне пришло в голову воспользоваться ею. Не долго думая, я сел в лодку и поплыл на середину Ганга. Уж там я порыбалил! Два или три часа прошли незаметно, рука моя устала, и я решил вернуться в Бенарес.

И в тот момент, когда я собирал улов, лодка вдруг обо что-то ударилась. Я оглянулся и подумал, что это бревно. Но обман длился недолго: передо мной появилось страшное чудовище, с громадной головой, острыми зубами и круглыми глазами, взгляд которых я никогда не забуду. Это был самый ужасный обитатель Ганга – кайман.

Я редко испытываю страх, господин. И хотя тогда я был совсем ребенком, мне не раз уже пришлось встретиться лицом к лицу с опасностью. Но тут, признаюсь,

увидев рядом с собой такое чудовище, которого индусы боятся больше всего, я задрожал...

– Мне кажется, – прервал его сэр Джордж, – и самый храбрый человек не сохранил бы хладнокровия и присутствия духа, оказавшись на твоём месте.

– Однако я не совсем потерял голову, – продолжал Казиль, – и решил спастись бегством, бросив кайману свою удочку. Пока кайман грыз её, я схватил весло и, напрягая все силы, начал грести к берегу.

Кайман погнался за мной. Опасность придает силы, и вначале мне казалось, что я оторвался от него. Но тут я остался без весла. Чудовище схватило его после того, как покончило с удочкой.

Джордж Малькольм даже вскрикнул, тем самым показав, насколько рассказ мальчика взволновал его.

– Без весла о бегстве нечего было и думать, – продолжал Казиль, – мне оставалось только ожидать смерти... Я стал на колени и призвал на помощь Вишну – бога-создателя, доброго бога, врага Шивы – бога зла...

Лодка колыхалась на беспокойных водах Ганга, кайману ничего не стоило перевернуть её, но вдруг чудовище нырнуло и исчезло. Я считал себя уже спасённым и благодарил Вишну за услышанную молитву, когда мой враг снова появился над водой. Не мешкая ни минуты, он бросился на лодку и опрокинул её. Все это произошло мгновенно, значительно быстрее, чем длится мой рассказ. Я очутился в реке и, хотя плаваю неплохо, хорошо понимал, что избежать зубов каймана не смогу и меня уже ничто не спасет. Однако, несмотря на такую прискорбную уверенность, инстинкт самосохранения одержал верх. Схватившись за киль, я начал кричать душераздирающим голосом.

Удивлённый кайман вертелся вокруг меня, испуская зловонный запах мускуса, брызгая своим длинным хвостом и с каждым мгновением приближаясь ко мне.

Я продолжал отчаянно кричать, и кто-то слышал мой зов о помощи и теперь кричал мне: «Мужайся, я спасу тебя!»

Сознание того, что я не одинок, вернуло мне силы. Оглянувшись, я увидел на берегу человека, сидящего верхом на лошади, безуспешно пытающегося заставить ее войти в реку. Лошадь сопротивлялась, поднималась на дыбы, и казалось – вот-вот опрокинется на спину. Борьба между человеком и животным длилась несколько минут. Наконец незнакомец одержал победу. Усмиренная лошадь вошла в реку и, направляемая железной рукой, быстро приближалась ко мне.

Кайман, увидев новую добычу, более достойную его аппетита, бросил меня и направился к смельчаку. Всадник ожидал чудовище, которое сразу же бросилось на него. Он вонзил кинжал в пасть так, что побежденный кайман уже не мог закрыть ее. Затем мой спаситель вытащил пистолет и выстрелил в чудовище, которое сразу же погрузилось в воду, но вскоре всплыло на поверхность кверху брюхом. Солнце осветило белую кожу его живота и серебристую чешую...

Кайман погиб! Господин подплыл ко мне... Я почувствовал, что силы покидают меня, глаза закрываются, а сердце перестает биться.

«Ты спасен, мой мальчик! – сказал незнакомец таким добрым, ласковым голосом, что силы вновь вернулись ко мне. – Ничего не бойся, поедem со мной!»

Сказав это, он взял меня на руки, посадил на лошадь и вернулся на берег.

Казиль помолчал некоторое время, потом отер рукой слезу, застывшую на его длинных ресницах, и прибавил:

– Господин, всадник, рисковавший жизнью для спасения незнакомого ребенка, не принадлежащего к его племени и религии, был сэр Джон Малькольм, ваш отец!

– Мой благородный отец! – прошептал молодой англичанин. – Он настоящий герой! Он считает самопожертвование самым естественным делом!

– Теперь вы можете понять, как сильно я люблю его, – продолжал Казиль, – и всех, кто ему дорог.

– Казиль, – спросил Джордж, – жива ли твоя мать?

Индус отрицательно покачал головой.

– А отец?

– Нет, господин.

– Есть ли у тебя кто-либо из родных?

– Никого!

– Как? Ты – сирота, один во всем мире?

– Да, господин, я – сирота, никто никогда не любил и не любит меня, кроме вашего отца. Я, в свою очередь, люблю только его и близких ему людей.

– Если хочешь, мы больше не расстанемся.

Казиль опустил голову и не отвечал.

– Неужели возможность жить рядом со мной, в доме моего отца и брата, пугает тебя? – спросил Джордж.

– О нет, господин! – вскричал Казиль.

– Значит, ты боишься потерять свободу. Но ты напрасно беспокоишься, ты будешь для нас, скорее, другом, чем слугой.

– Господин, меня не это беспокоит.

– Что же?

– Беру в свидетели богов, что я был бы счастлив жить рядом с вами, но я не свободен.

– Не свободен?

– Да.

– Ты принадлежишь кому-нибудь?

– Да.

– Кому?

– Этого я не могу сказать.

– Почему же?

– Я связан клятвой!

Глава VIII

Долгожданная встреча

Джордж Малькольм хотел настаивать, но Казиль, догадавшись о его новых вопросах, опередил его:

– Да, господин, я поклялся хранить тайну! Вы хотите спросить меня о секретах, которые мне не принадлежат. Не спрашивайте меня об этом, умоляю вас, так как я не могу отвечать вам!

– Сохрани свою тайну так же, как и свою свободу, – ответил Джордж. – Ты не можешь быть со мной. Очень жаль, так как я полюбил тебя!

Невольный вздох Казиля был красноречивым ответом.

В течение целого часа англичанин шел рядом с индусом, расспрашивая его о нравах, обычаях страны, восхищаясь ясными и четкими объяснениями, которые давал ему Казиль, проявивший ум и наблюдательность.

Мало-помалу луна опустилась к горизонту и вскоре совершенно скрылась за скалами. Поднялся северный ветер; теплота первой половины ночи сменилась пронизывающим холодом, предвестником зари.

Джордж, приказав Казилю дать знак остановиться, расположился на подушках паланкина, закутавшись в мягкие складки дорожного одеяла, и караван снова двинулся вперед.

Тихо укачиваемый, молодой человек вскоре задремал, что, естественно, позволило ему снова вызвать воспоминание о прелестном видении прошедшей ночи.

Он и не заметил, как прошло время, и сильно вздрогнул, когда Казиль, отдернув занавески, сказал ему:

– Господин, мы приближаемся к Бенаресу, посмотрите на город...

Уже наступил день. Джордж Малькольм тотчас же встал и устремил взгляд на восхитительную панораму, представшую перед его глазами.

Первые лучи восходящего солнца бросали красноватый свет на крыши храмов, зданий, многочисленных башен индийского города, занимавшего огромное пространство по обе стороны священной реки. Изумительный вид совершенно заворожил Джорджа Малькольма на некоторое время, потом, повернувшись к Казилю, он сказал:

– Покажи мне квартал, где расположен дом моего отца.

Казиль, указывая рукой на отдаленное предместье, ответил:

– Он живет там.

– Но то место, на которое ты показываешь, скорее, похоже не на город, а на деревню.

– Дом сэра Джона Малькольма находится действительно почти в деревне. Главный судья предпочитает стены из зелени стенам из кирпича. С высоты

веранды он может обозревать обширные сады с их чудными цветами.

– Мой отец остался таким же, каким был и прежде: он любит цветы и зелень.

Помолчав, Джордж спросил:

– Мы скоро прибудем?

– Примерно через полчаса, господин.

– Поспешим же, Казиль, поспешим! Ты понимаешь, как мне хочется поскорее обнять своего отца?

Казиль кивнул головой, и они пошли так быстро, что намного опередили носильщиков, а Стоп, чтобы догнать их, вынужден был пустить лошадь рысью.

Минут через двадцать наши путешественники уже шли вдоль забора из бамбука.

– Эти сады принадлежат вашему отцу, господин, – сказал Казиль.

Джордж приложил руку к сильно забившемуся сердцу, побежал, желая хоть на минуту ускорить свидание с родными. Он быстро достиг калитки и бросился в сад, крича взволнованным голосом:

– Отец! Брат! Я здесь!

Джордж находился возле очаровательного павильона, окруженного корзинами цветов, прекрасных как для глаз, так и для обоняния.

Едва молодой человек произнес свои восклицания, как два голоса, слившихся воедино, ответили ему, и из павильона выбежали два человека.

– Отец... Брат... Вот теперь мы вместе. Дайте мне посмотреть на вас, ведь мы так давно не видели друг друга, – говорил Джордж.

И он устремил на старика и молодого человека влажные глаза, блестящие сыновней и братской любовью.

Мы называли отца молодых людей стариком, но это выражение плохо передает нашу мысль и может обмануть читателя. Если Джон Малькольм и был стариком по летам (ему уже исполнилось шестьдесят), то, взглянув на него, любой человек понял бы, что его тело и душа вполне сохранили свежесть зрелого возраста. Густые, когда-то белокурые, а теперь седые волосы окаймляли лицо, почти не имевшее морщин и покрытое румянцем. Высокий рост и худощавое сложение сохранили ему гибкость.

Главный судья действительно был таким, каким его представил Казиль в своем рассказе: способным броситься на лошади в волны Ганга для того, чтобы избавить от ужасной смерти несчастного ребенка.

Физиономия сэра Джона Малькольма запоминалась с первого взгляда и не могла не внушить к себе почтительного уважения. Его лицо со следами былой красоты выражало непреклонную волю. Большой, высокий лоб свидетельствовал о богатой натуре и глубокомыслии. Задумчивый взор, казалось, проникал в глубину души, раскрывая самые сокровенные человеческие тайны. Ласковая улыбка часто появлялась на его губах, но хорошо очерченные линии рта представляли неопровержимое доказательство решимости и твердости его характера.

Эдуард Малькольм был красивым молодым человеком около двадцати пяти лет и представлял собой живой портрет матери, умершей, когда он был еще совсем маленьким. Эдуард не был похож ни на отца, ни на брата. Но его черные глаза, черные волосы и бакенбарды придавали необыкновенный шарм его привлекательному бледному лицу.

– Ах, батюшка, как я счастлив! – восклицал Джордж. – В течение шести лет океан разделял нас. Но эти шесть лет, благодарение Богу, не оставили следов на вашем лице. Тяжелый климат Индии пощадил вас.

– Мальчик мой, – шептал Джон Малькольм, снова и снова целуя сына. – Я принял на себя очень важное, громадное дело! Надеюсь, Бог сохранит мне силы до его окончания. Тогда, если Он и призовет меня к Себе, я отойду в иной мир без сожаления, со словами: «Господи, да будет воля Твоя!»

Джордж, взяв руку отца, почтительно поцеловал ее.

– Если бы все люди походили на вас, то человечество было бы счастливо! – Потом, повернувшись к брату, прибавил: – Тебя же, милый Эдуард, я оставил почти ребенком, а теперь ты настоящий мужчина. Если бы ты знал, как я счастлив видеть тебя таким. Меня охватывает радость, когда я сжимаю твои руки в своих и когда могу произнести: брат мой, пусть из двух душ составится одна душа, пусть из двух сердец составится одно сердце!

Эти излияния Джорджа были прерваны появлением Стопа и Казиля.

Лакей сэра Джорджа соскочил с лошади и бросился к господам. Казиль же считал, что лучше оставаться в стороне и не мешать своим присутствием первому свиданию родственников.

Стоп хорошо знал сэра Джона и сэра Эдуарда, питал к ним, как и к своему господину, фанатичную любовь. Увидев их, он не знал, что делать от радости; восторженные фразы, громкие восклицания, скорбные жалобы на Индию, ее климат и жителей так и сыпались из его уст.

Джордж остановил его.

– Стоп, – засмеялся он, – хватит на сегодняшний день, продолжение оставь на завтра!

Лакей, приняв важный, серьезный вид, отошел.

– Твой пустой желудок стонал всю ночь и просил пищи, – продолжал Джордж, – ты должен в данный момент умирать с голоду. Пойди на веранду, мой друг, и вели подать себе завтрак; выпей за наше здоровье бутылочку вина, отец разрешает!

Эти слова вернули улыбку на лицо Стопа. Ему не требовалось дважды напоминать о пустом желудке, и он быстро направился к дому с целью вознаградить себя за потерянное время.

В этот момент Джон Малькольм заметил Казиля и сделал ему знак подойти.

– Благодарю, дитя мое: ты привел мне сына целым и невредимым и этим заплатил мне долг, теперь мы квиты!

– Господин, – прошептал Казиль, став на одно колено перед стариком и по индусскому обычаю положив его руку на свою голову, – я обязан вам жизнью и до тех пор, пока не пролью свою кровь за вас, останусь вашим должником...

– Кто знает, дитя мое, – возразил сэр Джон, – кто знает, что готовит нам будущее. Не исключено, что скоро настанет день, когда мы будем нуждаться в твоей преданности. И тогда, я надеюсь, мы найдем тебя, не так ли?

– Я буду с вами в тот день, господин! – поспешно заверил Казиль.

Джон Малькольм с Эдуардом ввели Джорджа на веранду и проводили в тщательно убранные комнаты, обычно предназначавшиеся для самых дорогих гостей. Это были комнаты с широкими окнами, украшенными индийскими шторами, пропускавшими свет и в то же время рассеивающими солнечные лучи, с паркетным полом и бамбуковой мебелью.

Джордж Малькольм, следуя английскому обычаю, прежде всего умылся, разогнав остаток усталости; затем, переменив одежду, спустился с Эдуардом к отцу, ожидавшему их в столовой, где был накрыт стол с самыми изысканными кушаньями.

Усевшись за стол, Джордж почувствовал аппетит, не уступающий аппетиту Стопа. Он отрезал кусок сочного бифштекса, потом – ветчины. Утолив голод, откинулся на спинку кресла и сказал:

– Ну вот, теперь можно и поговорить.

– Сын мой, – сказал Джон Малькольм, – у меня давно уже вертится на языке вопрос.

– Какой, батюшка?

– Почему ты явился к нам только сегодня? Согласно донесению Казиля я ждал тебя вчера и уже начал беспокоиться, намереваясь сегодня утром идти с

Эдуардом тебе навстречу... Что же явилось причиной опоздания?

Джордж улыбнулся.

– Милый батюшка, – ответил он, – вы не ошиблись! Я действительно еще вчера должен был быть у вас. Но странное приключение, непонятное для меня, помешало быть у вас вовремя.

– Какое приключение?

– Сон, длившийся сутки!

Сэр Джон сделал жест удивления.

Джордж продолжал:

– Да, батюшка, я спал ровно двадцать четыре часа, и к тому же в непригодном для сна месте.

– Где же это?

– В развалинах храма Шивы, на горе Беома.

– В развалинах храма Шивы? – переспросил отец.

– Да, батюшка.

– Как ты попал туда?

– Сильный ураган вынудил меня искать убежище. Там я и заснул.

– И спал сутки?

– Да... Заснув в одиннадцать часов вечера, я проснулся примерно в то же время на следующую ночь.

– Странно. А что было со Стопом?

– Спал так же, как и я.

– А Казиль?

– Думаю, что и он спал, как и мы, хотя он уверяет меня, что не смыкал глаз.

– Что же делали носильщики в течение этого долгого сна?

– Они ожидали, пока мы проснемся.

– Рядом с вами?

– Нет. Ничто в мире не могло заставить их войти в развалины храма, настолько силен был их страх.

– И ничто не потревожило эту летаргию?

– Ничто, кроме приятного сновидения... И если бы у меня была надежда, что сон повторится, я бы променял его на самую прекрасную действительность.

– Вероятно, в этом сновидении была женщина?

– Да, батюшка...

– Ты хорошо запомнил этот сон?

– Малейшие подробности запечатлелись в моей памяти.

– Тогда расскажи его мне, ничего не прибавляя и не убавляя.

– Рассказать? Зачем?

– Об этом ты узнаешь позднее. А теперь рассказывай!

Глава IX

Отец и сын

Джордж никак не мог понять желания отца. Напрасно спрашивал он себя, почему отца так заинтересовал его сон. Однако, подчиняясь этому желанию, он рассказал все, с подробностями, уже известными нашим читателям.

Джон Малькольм выслушал его с большим вниманием и, когда он закончил, спросил:

– Если я правильно понял, женщина была в маске?

– Да, батюшка...

– Ты несколько раз просил ее снять маску, но получал отказ?

– Да...

– Не помнишь ли ты, какой последний поступок этой женщины был в твоем сне?

– Она дала мне понюхать платок с острым и резким запахом.

– Ага! – вскричал Джон Малькольм. – Я был в этом уверен.

– В чем уверены, батюшка? – спросил Джордж, сильно заинтересовавшись.

– В том, что ловкая женщина усыпила тебя одним наркотиком, который в соединении с местными травами широко распространен до сих пор в Индии.

Джордж улыбнулся:

– Женщина, о которой вы говорите, существовала только в моем воображении. Это был только сон, иллюзия...

– Мальчик мой, – улыбнувшись, ответил судья, – иллюзия существует только в твоём воображении. Ты оказался в руках ловких людей, которые заставили тебя поверить, что это был сон.

Джордж устремил на отца удивленный взгляд.

– У меня оказались достойные противники! – продолжал старик. – Они одарены огромной силой воли. Они очень сильны! Все это не было сном, дитя мое. Твое приключение произошло на самом деле. Таинственная женщина в маске существует. Я давно ищу ее, потому что подобные приключения случались не только с тобой.

– Неужели? – пробормотал Джордж с удивлением, которое легче понять, чем описать.

– Да, – продолжал Джон Малькольм. – Немало наших молодых людей воображали себя попавшими в рай на один час...

– Как?! – вскричал Джордж. – Неужели на самом деле существует богатая, могущественная женщина, удовлетворяющая без малейшего стыда свои странные минутные капризы?

– Почему бы и нет?

– Это чудовищно!

– Свет полон чудовищных дел! Вспомни школьные уроки истории, вспомни о мрачной Нельской башне. Там царица завлекала в свой замок красивых молодых людей и тоже носила маску. А ее любовь оканчивалась убийством. Кровь после оргии! Благодарение Богу, индийская Маргарита Бургундская менее кровожадна и жестока. Она не убивает своих любовников, а только усыпляет их.

– Выходит, что это был не сон? – прошептал Джордж Малькольм.

– Конечно.

– Эта женщина необыкновенно хороша... – сказал молодой человек и прибавил еле слышным голосом: – Мне бы очень хотелось снова увидеть ее!

Судья сделал порывистое движение.

– Ты не можешь ее любить! Ты даже не видел ее лица!

– Да, конечно. Но в ней есть что-то очаровывающее...

– К счастью, ты ее больше не увидишь.

– Кто знает...

– Эта вся чертовщина пройдет, когда ты увидишь Марию Бюртель, которая, я надеюсь, станет твоей женой. Тогда ты поймешь, что твое счастье и судьба находятся возле очаровательной, чистой и кроткой женщины, принадлежащей тебе не только телом, но и душой! Очень скоро, через несколько дней, она и ее сестра Эва, невеста твоего брата Эдуарда, приедут сюда. Они – мои воспитанницы. Сейчас они гостят у своей родственницы Юдифи Бюртель, прекрасной женщины...

– И вы думаете, я полюблю Марию?

– Чтобы не любить ее, нужно быть слепым и глухим. Красота этой молодой девушки овладеет твоим сердцем, будь оно даже из мрамора. И ты не ошибешься, женившись на ней. Но постарайся освободить свое сердце и забыть о мнимом сне.

– Батюшка! Мне пришла в голову мысль... Вы доверяете Казилю?

– Конечно.

– Тогда вы должны согласиться: если мое приключение происходило не во сне, то Казиль не заслуживает вашего доверия.

– Почему?

– Потому, что он непременно должен был стать сообщником таинственной незнакомки: меня не могли бы унести спящим из храма Шивы без его согласия.

– Смотри не ошибись! Если ты обвиняешь Казилья, то должен обвинить и Стопа.

– Почему?

– Разве Стоп, как и Казиль, не находился рядом с тобой?

– Да, но Стоп спал так же крепко, как и я.

– А почему не допустить, что и Казиль тоже задремал?

– Он сказал мне, что не спал.

Джон Малькольм пожал плечами.

– Казиль мог солгать, сам того не подозревая. Наркотик оказал на него такое же воздействие, как и на тебя и на Стопа. Все это очень просто. Я знаю Казилья, он воплощение преданности. Признательная душа, честная и правдивая натура. Ничто не поколеблет моего доверия к нему.

Джордж был побежден.

Разговор между отцом и сыном продолжался, но тема переменилась.

Нам здесь предстоит дать некоторые пояснения.

Семья Малькольмов происходила из древнего, знаменитого рода и обладала некогда громадным состоянием. Генри Малькольм, отец сэра Джона, вел веселую жизнь, у него было несколько сотен прекрасных лошадей, он проводил время на охоте, давал блистательные обеды для аристократии графства, был заядлым любителем прекрасного пола.

Но вот жена его умерла, сам он разорился и окончил жизнь на дуэли из-за прекрасных глаз балетной танцовщицы театра Друри-Лейн. Умирая, он оставил запутанное состояние и единственного двенадцатилетнего сына. Ребенка поместили в пансион, а юристы взялись поправить расстроенные финансы.

Мы знаем, как действуют такие люди. В Англии они поступают так же, как и во Франции. Под предлогом распутать дела они так их запутали, что через три года, после нескончаемых процессов, Джону Малькольму от состояния, оцениваемого примерно в триста тысяч годового дохода, остался только скромный доход в пятьсот фунтов стерлингов и маленький дом в Нортумберленде, в очаровательном и живописном местечке. Двенадцать тысяч дохода не считаются в Англии бедностью, но в то же время они недостаточны для жизни дворянина из хорошего дома.

Джон Малькольм, блистательно завершив учебу, решил, что ему необходимо сделать карьеру. Поэтому он бросился в лабиринт юриспруденции.

Обладая древним именем, он мог сделать партию и женитьбой поправить свои дела, но подобная мысль даже не могла прийти ему в голову, потому что молодой человек безумно влюбился в прелестную девушку, достойную подобной любви, но не имевшую другого приданого, кроме красоты, ума и добродетели. Он женился на ней, и у них родилось двое детей: Джордж и Эдуард. Джон Малькольм был счастливейшим человеком до того дня, когда внезапная смерть похитила у него молодую жену. Казалось, он не перенесет удара и если не умрет, то, по крайней мере, потеряет рассудок.

И в самом деле, Джон Малькольм, чувствуя, что сходит с ума от отчаяния, хотел покончить с собой, чтобы соединиться с той, которую так сильно любил, но, к счастью, вовремя вспомнил, что он – отец: чувство долга одержало верх и вернуло его к жизни.

«Я буду жить для своих сыновей», – решил он.

С этого момента он очень много работает, и скоро его труды достойно вознаграждаются. Административный совет Ост-Индской компании предложил ему место главного судьи в бенаресской провинции. Всем известно, с какой поистине царской милостью одаряет Ост-Индская компания тех, кто преданно служит ей.

Джон Малькольм решил, что это предложение даст ему возможность за несколько лет сколотить надежное состояние для сыновей, и, даже не подумав о смертельных опасностях, которые ожидают всякого европейца в Индии, принял предложение. Поместив детей в колледж, он немедленно отправился к месту назначения.

Вернулся он через десять лет, взяв многомесячный отпуск. Старшему сыну Джорджу было тогда двадцать три года, а младшему, Эдуарду, – девятнадцать. Оба, окончив учебу, жили в замке Осбери как настоящие дворяне, имея благодаря отцу все.

Джон Малькольм счастливо прожил с сыновьями около шести месяцев, и сердце его билось от гордости за своих красивых и сильных сыновей.

Когда наступило время отъезда, оба сына, не желая разлучаться с отцом, просили позволения сопровождать его.

Джон Малькольм, тронутый их привязанностью, чуть было не согласился на эту просьбу и едва не воскликнул: «Да, милые дети, мы больше никогда не расстанемся! Я беру вас с собой!»

Но, подумав о вредном индийском климате, эпидемиях, диких животных, о ненависти коренных жителей к иностранцам, он ответил:

– Я возьму с собой кого-нибудь одного. Другой же пока останется в Англии...

– Хорошо, – сказал Джордж, – я старший и потому последую за вами.

– Почему же не я, брат? – возразил Эдуард. – Будет большой несправедливостью учитывать возраст, который здесь не имеет значения.

И между братьями начался спор, длившийся бы до бесконечности, если бы им не пришло в голову бросить жребий.

Случай благоприятствовал младшему, и Эдуард с восторгом закричал:

– Батюшка, я еду с вами!

Глаза Джорджа наполнились слезами.

– Мальчик мой, – сказал ему отец, взяв его за руки, – наберись мужества и терпения: ты ненадолго останешься в Англии и скоро присоединишься к нам.

– Вы обещаете мне это? – с надеждой спросил Джордж.

– Клянусь тебе!

– И когда же это случится?

– Как только я получу уверенность в том, что климат и новые обычаи Ост-Индии не расстроят здоровья Эдуарда.

Через день после этой семейной сцены Джон Малькольм с младшим сыном сели на корабль, отправлявшийся в Индию.

Джордж, немного утешенный обещанием отца, продолжал вести в Осбери спокойную, однообразную жизнь деревенского дворянина, не забывая по несколько часов в день отдавать изучению индусского языка по книгам, присылаемым отцом.

Прошло шесть лет. В течение этого времени несколько поездок в Лондон и четырехмесячное путешествие по Франции стали единственным развлечением Джорджа Малькольма.

Каждый месяц он получал письма от отца или Эдуарда. День, в который приходило ожидаемое послание в Осбери, был для Джорджа днем радости.

Однажды, в конце шестого года разлуки, Джордж собирался на охоту за зайцами. Уже были подготовлены собаки, и лошадь с нетерпением била копытами землю. Джордж поправил шпоры и, взяв хлыст с рукояткой из слоновой кости, приготовился выйти из комнаты, как внезапно вбежал Стоп, размахивая над головой письмом.

– Ваша честь, ваша честь, хорошая новость! Письмо оттуда.

«Оттуда» означало Ост-Индию.

Глава X

Тайна сэра Джона Малькольма

Сердце Джорджа забилося от радостного предчувствия.

Глядя на господина, Стоп с нетерпением и любопытством ждал объяснений.

– Мне кажется, если я не ошибаюсь, ваша честь получила приятную новость, – сказал он с почтительной фамильярностью слуги, которому многое доверяют.

– Ты не ошибся, мой добрый Стоп, – отвечал Джордж Малькольм, – я получил самую лучшую новость.

– Можно мне спросить у вашей чести...

– Что обрадовало меня? Ты сейчас узнаешь и поделишь мою радость! Через несколько недель я обниму батюшку и брата...

– Сэр Джон и сэр Эдуард возвращаются в Англию? – с живостью спросил Стоп.

– Как раз наоборот, – улыбнулся Джордж, – мы сами поедem к ним.

Лицо Стопа сразу помрачнело.

– В Ост-Индию? – пробормотал он.

– Да, в Бенарес... Нас ждет прекрасное путешествие.

Стоп молчал, опустив голову.

– Но мысль об этом путешествии не должна делать тебя грустным.

– Все это так неожиданно...

– Не правда ли, приятный сюрприз?

– О, конечно, ваша честь; но нам так хорошо здесь жилось...

– Там нам будет еще лучше!

– Не смею противоречить вашей чести, но ведь переезд туда долг и сопряжен с такими опасностями... Да и кораблекрушения не так уж редки.

Джордж, строго взглянув на лакея, сказал:

– Если ты боишься ехать со мной, можешь спокойно оставаться здесь! Я не хочу, чтобы моим товарищем оказался человек, боящийся опасности и преданность которого ослабевает, как только приходит время доказать ее.

– Ваша честь прекрасно знает, что я последую за вами куда угодно, – возразил Стоп, делая над собой героическое усилие. – Чтобы не расставаться с вами, я готов стать под дуло пушки... Что же касается морской болезни, то я вынесу и ее.

– Вот теперь я узнаю тебя, мой добрый Стоп!

– Когда мы отправимся в дорогу, ваша честь?

– С первым кораблем, отплывающим в Калькутту. Я сейчас же пошлю письмо в Лондон за справками, а с завтрашнего дня начнем собираться в дорогу.

– Мои сборы будут недолгими, – прошептал с глубокой покорностью Стоп, выходя из комнаты, чтобы объявить остальным слугам о предстоящем скором отъезде таких важных личностей, как сэр Джордж и он.

Вот что содержалось в послании отца к Джорджу Малькольму.

«Пришло наконец время, милый мальчик, исполнить твоё желание и согласиться на твой приезд в Индию. Советую тебе не пропустить корабль компании; я сгораю от нетерпения обнять тебя. Ты мне крайне необходим... Уже давно я принялся за таинственное священное дело. Я хочу привести в исполнение опасное намерение, известное только мне одному. Я приближаюсь к цели, по крайней мере, так думаю и надеюсь; но меня окружают многие трудности, невидимые враги; каждую минуту я могу пасть под ударом неизвестной руки. После смерти все сделанное мной может погибнуть... Это не должно случиться. Твой брат Эдуард слишком молод, чтобы заменить меня в случае необходимости. Из тебя же я хочу сделать преемника, передав окончание гигантского дела. После нас древнее имя Малькольмов не умрет, мы, может быть, упрочим владычество английской короны в Индии...

Сделав тебе это признание, ты понимаешь, с каким нетерпением я ожидаю тебя. Каждый мой шаг вперед увеличивает опасность над моей головой... Итак, приезжай, сын мой, приезжай скорее, мой милый Джордж!

Молодой индус по имени Казиль, признательный и преданный мне, будет ждать тебя в Калькутте с паланкином и носильщиками. Он умен, неутомим и сумеет узнать тебя среди пассажиров английского корабля. Он будет твоим проводником; короче говоря, можешь во всем положиться на него.

До скорого свидания, мой Джордж. Все тебе кланяются; наши сердца радостно бьются при мысли, что через несколько недель мы обнимем тебя.

Ожидающий и любящий тебя отец Джон Малькольм».

Спустя неделю после получения письма Джордж и Стоп на великолепном корабле «Король Дагоберт» отправились в Калькутту. Переезд прошел благополучно, если не считать морской болезни, в течение всего времени путешествия мучавшей несчастного лакея.

Не успел корабль стать на якорь, как Казиль был уже на палубе и сразу узнал Джорджа. Последний пожелал два дня отдохнуть в Калькутте, а Казиль, воспользовавшись оказией, послал в Бенарес вест сэр-у Джону о скором приезде сына.

На третий день караван запасся провизией, Стоп приобрел для себя лошадь с длинной гривой, Джордж сел в паланкин и путешественники двинулись в путь.

Остальное уже известно читателям. Мы говорим о странном приключении на горе Беома, в развалинах храма Шивы, где таинственный дворец и незнакомка в черной маске ворвались в жизнь молодого англичанина.

Мы исполнили важную часть нашей задачи. Теперь читатели хорошо знают некоторых действующих лиц, и нам остается только идти вперед.

Комнаты сэра Джона Малькольма, расположенные на нижнем этаже веранды, состояли из передней, большого рабочего кабинета и спальни. В кабинете, обтянутом индийской материей удивительной работы, вдоль стен размещались шкафы с сочинениями знаменитейших писателей; большая конторка, привезенная из Англии и заполненная связками бумаг, стояла у окна.

Другой угол комнаты занимали охотничьи ружья, прекрасные шпаги, дамасские кинжалы и пистолеты, которые не могли не восхитить любителя.

Два окна, почти всегда открытые и защищенные от солнца китайскими шторами, придавали кабинету веселый вид. В этом кабинете мы и видим сэра Джона Малькольма и Джорджа на другой день после его приезда в Бенарес.

Судья сидел перед конторкой, облокотившись на руку, в тот момент, когда Джордж вошел к нему.

Услышав шаги, сэр Джон поднял голову и, повернувшись, улыбкой встретил сына.

Молодой человек, подвинув стул к конторке, сказал:

– Не хотите ли поговорить со мной, батюшка?

– Хочу ли я? Еще бы!

– Поговорим о вашем письме.

– О письме? – повторил Джон Малькольм.

– Да, о письме, которое сильно беспокоило, заинтересовало меня и быстрее заставило покинуть Англию.

– Я ожидал с твоей стороны нетерпения и, признаюсь, был бы неприятно поражен, если бы увидел тебя холодным и равнодушным...

– Вам нечего бояться моего равнодушия. Я жажду узнать тайну, и вам остается только открыть ее мне.

– К сожалению, милый мальчик, придется еще немного подождать, – сказал Джон Малькольм.

– Ждать?! – повторил с разочарованием Джордж.

– Да, нужно вооружиться терпением, потому что сегодня твое любопытство не будет удовлетворено.

– Но почему?

– Из-за самолюбия автора...

– Что вы хотите этим сказать?

– Вот что. Точно так же как писатель, сочинив роман или пьесу, не решается отдать их на суд публики, не исправив сначала слабых мест, так и я не хочу сообщать о своем деле, не соединив всех деталей в единое целое.

– Как сын я пойму вас и пощажу ваше самолюбие, – сказал Джордж.

– В тебе говорит сердце, но мне нужно не сыновнее восхищение, а разумное одобрение. Поэтому-то я и откладываю свою исповедь...

– Но, отец, вы же думали по-другому, когда писали это письмо?

– Правда.

– Почему же ваше решение изменилось?

– Потому, что за это время я намного продвинулся вперед. Секрет, отыскиваемый мной и часто обманывавший меня в тот момент, когда я уже держал его в руках, не вывется на этот раз. Секрет этот открыт. Я убежден в успехе и торжестве своего дела. Я приближаюсь к цели!

Когда сэр Джон произносил эти слова, необыкновенное возбуждение заставляло дрожать его голос.

– С тобой, сын, я разделю славу, – продолжал он. – Но последний шаг в этом деле я оставляю за собой.

– То есть вы хотите избавить меня от опасности?

Судья обнял сына.

– О, будь спокоен за меня, милое дитя! – возразил он. – Когда я, подобно Архимеду, буду в состоянии воскликнуть: «Эврика!», еще не все будет кончено. Тебе не избежать опасностей, которые заставили бы побледнеть от зависти и рыцарей Круглого Стола!

– Хорошо, отец!

– Доволен ли ты?

– По крайней мере, немного утешился.

– И будешь терпеливо ждать?

– Да, если это необходимо.

– Обещаю долго не мучить тебя. Прошу всего один месяц начиная с сегодняшнего дня.

– Даже если ваши надежды на успех не осуществляются?

– Да.

– Хорошо, отец. Я согласен. Ровно через месяц я скажу вам: «Раскройте мне вашу тайну».

Глава XI

Сон продолжается

На следующий день Джордж Малькольм, поужинав, решил выйти в город. Заперев садовую калитку, он направился дорогой, по обеим сторонам которой стояли высокие деревья. Их ветви смыкались над головой, образуя таинственный свод, замерший в безветрии. Где-то под аккомпанемент барабана звучала индусская песня.

Едва Джордж сделал несколько шагов, как от забора отделилась высокая фигура в белом и последовала за ним.

Джордж, погруженный в свои мысли, шел медленно. Белая тень шла так тихо, что он не подозревал о присутствии кого-то недалеко от себя.

Вдруг на его плечо опустилась рука. Обернувшись, он встретился лицом к лицу с огромным человеком, закутанным в белое покрывало. Лица его совершенно не было видно, лишь три отверстия указывали на расположение глаз и рта.

Джон Малькольм взял с сына обещание никогда не выходить на улицу без индийского кинжала и карманного пистолета. Джордж выхватил пистолет и крикнул:

– Берегись! Я вооружен!

- В этом нет необходимости, – сказал голос на плохом английском языке. – Вам нечего опасаться...
- Почему же вы останавливаете меня?
- Мне необходимо задать вам несколько вопросов.
- Слушаю...
- Вы – сын человека, живущего в доме, из которого вы только что вышли?
- Да.
- Вы находитесь в Бенаресе не более трех дней?
- Именно так.
- Вашим проводником из Калькутты был молодой индус Казиль?
- Верно.
- Вас зовут Джордж Малькольм?
- Да.
- Дайте честное слово джентльмена, что согласитесь на все условия, которые вам предложат.
- Прежде чем дать клятву, я должен знать, каковы эти условия.
- Хорошо. Вы должны позволить завязать вам глаза.
- А если это западня?

– Вам нечего бояться... Никто не желает вашей смерти. Доказательством служит то, что я совсем недавно мог одним ударом уложить вас, и вы погибли бы, не успев даже вскрикнуть.

– Это верно, – прошептал Джордж и подумал: «Эта дорога как бы нарочно устроена для убийств». – Хорошо, я согласен, чтобы мне завязали глаза.

– Вы не будете стараться снять сегодня ночью повязку с глаз и никогда не станете отыскивать место, куда вас поведут.

– Согласен.

– Будете ли вы почитать женщину в бархатной маске, которая должна остаться для вас незнакомкой?

Джордж Малькольм сделал нетерпеливый жест.

– Как? Опять маска?! – воскликнул он.

– Да.

– Что все это значит? И когда кончатся ваши условия?

– Остается еще одно...

Последовало минутное молчание. Создавалось впечатление, что странный собеседник Джорджа затрудняется продолжать разговор и потому думает, в какую бы форму его облечь.

Наконец он решился.

– Вы помните ночь, проведенную в развалинах храма на горе Беома?

– Конечно.

– А помните увиденный вами сон?

Джордж не мог удержаться от удивления.

– Сон? – повторил он. – Откуда вам может быть известно, что мне приснилось?

– Мне все известно! Но отвечайте мне: помните ли вы свой сон?

– Конечно, помню!

– Какое впечатление производит на вас это воспоминание?

– Я бы не хотел с вами об этом говорить.

– А если бы вам предложили этот сон продолжить?..

– Кто может сделать мне подобное предложение? – прервал его Джордж Малькольм.

– Может быть... я, – ответил незнакомец. Потом добавил: – Примете ли вы это предложение?

– Да! Что я должен для этого сделать?!

– Вы принадлежите в Англии к привилегированному сословию, называемому джентльменами?

– Имею честь...

– Никто – ни отец, ни ваш брат, ни слуги – не должен знать о том, что случится с вами ночью.

– Клянусь!

– И потом, – продолжал незнакомец, – если кто-нибудь узнает случайно, что вы провели ночь вне дома, то постарайтесь найти благовидный предлог для объяснения этого.

– Обещаю, если воображение не изменит мне.

– Вы клянетесь?

– Да... честью дворянина!

– В таком случае – пойдете!

– Как! Сейчас?

– Да... Вас ждут. Вы колеблетесь?

– Нет. Но отец, зная, что я вышел только на один час, будет ждать меня и умрет от беспокойства, видя, что я не возвращаюсь.

– В таком случае пойдите проститься с отцом, сделайте вид, что уходите в свою комнату, и немедленно возвращайтесь сюда.

Не прошло и четверти часа, как Джордж вернулся к незнакомцу, не забыв взять с собой ключи от веранды и калитки сада.

– Следуйте за мной, – сказал незнакомец и сбросил плащ.

Они быстро зашагали рядом, не говоря ни слова. А когда достигли конца дороги, послышалось ржание лошадей. Проводник остановился.

– Я завяжу вам глаза...

– Как вам угодно.

– Вы, конечно, ездите верхом?

– Как и всякий англичанин, – ответил Джордж, – но почему вы задали этот вопрос?

– Вы слышали ржание лошадей?

– А! Мы поедем верхом?..

– Да.

– Далеко?

Незнакомец не ответил.

– Скажите мне, по крайней мере, успею ли я к утру вернуться домой?

– Успеете.

Они подошли к лошадям, и проводник сказал:

– Вы поедете на лошади, быстрота которой сравнима с ветром.

– Я уже в седле, – ответил Джордж, с ловкостью хорошего наездника вскочив на лошадь.

Проводник сделал то же самое и, взяв поводья из рук Джорджа, издал гортанный звук.

Обе лошади быстро помчались.

«Пикантное приключение... – думал между тем Джордж. – Восток всегда останется Востоком! Волшебство сохраняет здесь свои права. Воскрешается старое доброе время очаровательных легенд, когда султанши, покрытые вуалью, похищали на один час тех кавалеров, которых желали сделать соперниками султанов».

Джордж Малькольм не заметил, как они приехали на место.

– Сойдите! – приказал ему проводник. – Дайте руку, я провожу вас.

Ноги Джорджа опустились на песок, мягкий, как персидский ковер. Он почувствовал свежий запах цветов. Слышалось журчание воды. Джордж не без основания заключил, что он проходит через сад, примыкающий к какому-нибудь дворцу. Они поднялись по лестнице. Дверь отворилась, опьяняющее благоухание Востока охватило нашего героя...

Джордж и проводник молча прошли, наверное, через несколько комнат, затем незнакомец отпустил руку Джорджа, сказав ему:

– Когда сосчитаете до двадцати, снимите повязку.

Джордж честно выполнил приказание; потом развязал шелковый платок и осмотрелся с легко понятным нам любопытством.

Комната, в которой он находился, напоминала уже описанную нами в одной из первых глав. Лампы, спускающиеся с потолка, создавали интимный полумрак. Широкие портьеры из китайского атласа, украшенные изображениями птиц и несуществующих цветов, закрывали все двери.

Джордж Малькольм сел на широкий диван; его голова была охвачена огнем, сердце билось, он с лихорадочным нетерпением ждал появления незнакомки. Каждая проходившая минута казалась ему вечностью.

Однако его ожидание продолжалось недолго. Одна из портьер медленно приподнялась, и перед глазами молодого человека предстала таинственная, прекрасная женщина.

Кисейная туника, вышитая серебром и почти прозрачная, едва скрывала ее тело. Густые, роскошные волосы спускались до самых пят. Большие глаза сверкали через отверстия в маске.

Джордж бросился к ней и, преклонив колена, безумно прошептал:

– Значит, это не сон! Вы существуете, сударыня! И сегодня откроетесь мне, вашему поклоннику...

– Да, я откроюсь тебе, – отвечала незнакомка, – ты увидишь меня, потому что я люблю тебя!

Несколько часов спустя наш герой снова остался один. Проводник, в котором наши читатели, конечно, узнали Согора, вывел его из комнаты, не забыв предварительно надеть повязку на глаза. Они вскочили на лошадей и помчались по темной аллее.

День начал заниматься в тот момент, когда Джордж Малькольм соскочил с коня в нескольких шагах от дома отца.

Глава XII

Роковой день

Джордж Малькольм условился со своим таинственным проводником, что каждый вечер около десяти часов он будет прогуливаться в саду возле дома и, услышав троекратный крик совы, извещающий о желании незнакомки в маске видеть его, поспежит к Согору, ожидающему в конце дороги.

В течение двух недель сигнал раздавался восемь раз, и восемь раз Джордж Малькольм спешил на свидание с лихорадочной поспешностью.

Мы будем не правы, если скажем, что наш герой полюбил незнакомку. Джон Малькольм очень точно выразился, что нельзя полюбить женщину, лица которой никогда не видел. Но странная незнакомка непреодолимо влекла к себе молодого человека. Его мысли были сосредоточены только на ней.

Сладострастная дрожь пробежала по его жилам при воспоминании о благоухании, распространявшемся от ее волос, и ему становилось грустно уже при мысли о том, что настанет время, когда он больше не услышит знакомого сигнала.

Иногда он вспоминал рассказ отца о Марии Бюртель, и тогда его честная, благородная натура восставала против самого себя, проклиная увлечение, которому он не мог противиться.

«Мое поведение отвратительно! – думал Джордж. – Скоро наступит минута, когда отец представит меня кроткой, целомудренной девушке, которая станет моей невестой. Вместо того чтобы предложить свое сердце, достойное принять ее, я стал рабом неизвестной женщины, по капризу овладевшей мной и постоянно призывающей меня для удовлетворения своей страсти. Разве это не подлость? Разве я не обманываю заранее ту, которая станет носить мое имя?»

Так думал Джордж, всякий раз твердо намереваясь сопротивляться искушению. Но лишь наступала темнота и с колокольни звучал последний удар часов, он снова спешил в сад с бьющимся от волнения сердцем. Крик совы прерывал ночное безмолвие. Молодой человек шел на свидание и возвращался домой только с восходом солнца, полный печали и отчаяния.

Не следует особо говорить, что Джордж хранил тайну. Ни Джон Малькольм, ни Эдуард не подозревали, что он по ночам исчезает из дома.

Как мы уже сказали, прошло две недели. Однажды Джордж, возвратившись домой в четыре часа утра, заснул таким крепким сном, что пришлось немало потрудиться, чтобы разбудить его к завтраку. Быстро одевшись, он сошел вниз и встретил отца, на лице которого сияла радость. Старик держал в руке распечатанное письмо.

– Что с вами? – спросил Джордж, целуя старика. – По-видимому, вы сегодня очень довольны!

– Ты не ошибаешься, – ответил отец.

– Причина этого в письме?

– Да. Оно содержит приятную новость, и ты поделишь со мной радость. Мои милые воспитанницы Мария и Эва едут к нам!

– А, – прошептал Джордж, – уже!

– Они приезжают завтра, – продолжал Малькольм, – завтра, Джордж, ты увидишь свою, надеюсь, невесту, а Эдуард – свою. Но почему ты озабочен? Ты равнодушен к этой новости?

Джордж попытался улыбнуться.

– Наоборот, я очень рад, – ответил он. – Но ведь я никогда не видел Марии Бюртель, хотя она, должно быть, очаровательна, если вы считаете ее такой.

– Ты прав, – ответил сэр Джон. – Несмотря на седые волосы, у меня горячая кровь, и я хочу все устроить слишком быстро, воображая тебя уже влюбленным! Впрочем, я ошибаюсь лишь во времени: сегодня ты равнодушен, но завтра ты будешь влюблен.

– Вы убеждены в этом? – спросил снова Джордж.

– Это так же верно, как и то, что меня зовут Джоном Малькольмом. Если сейчас твое сердце свободно, как ты клялся мне, то завтра оно будет занято!

Джордж не ответил, а с приходом Эдуарда разговор стал носить общий характер. Через минуту лакей пришел объявить, что завтрак подан. Все сели за стол. Джон Малькольм только и говорил о грации, прелести и прекрасных качествах Марии и Эвы Бюртель, к великой радости Эдуарда, нежность и любовь которого к одной из сестер были безграничны.

А Джордж страдал. Настойчивость отца причиняла ему сильную душевную боль, ему становилось невыносимо тяжело от упреков, которыми он награждал сам себя. Наконец он вышел из-за стола под предлогом головной боли и, удалившись в сад, бросился на скамейку, покрытую дерном.

Преувеличивая свою страсть к незнакомке, он считал, что вышел уже из пеленок и отец, желая настоять на своем, злоупотребляет родительской властью.

«Конечно, отец желает мне счастья, но он обманывается. Я свободен и хочу оставаться таковым! Мисс Мария Бюртель может выходить замуж за кого ей угодно. Пусть выбирает сама, но ручаюсь, что ее мужем никогда не станет Джордж Малькольм».

Приняв это твердое решение, молодой человек несколько успокоился.

«Завтра я дам генеральное сражение», – подумал он, возвращаясь к отцу.

Остальная часть дня прошла совершенно незаметно. В десять часов вечера Джордж, следуя своему обыкновению, вышел в сад и с нетерпением ждал условного сигнала. Темнота окутала аллею и деревья, превратив все вокруг в волшебное великолепие таинственности и тишины.

Согор не приходил.

Молодого человека охватило отчаяние. Ревность подсказывала ему: уж не пришла ли в голову его пассии идея сменить любовника? Он возвратился в свою комнату и бросился на постель. Всю ночь Джордж не спал и только на рассвете, измученный болезнью влюбленных, забылся в тяжелом сне.

Утром его разбудил необыкновенный шум, доносившийся из сада. Это были радостные, возбужденные женские голоса.

Джордж со спокойным любопытством подошел к окну и увидел большой паланкин, остановившийся перед главным входом в дом.

«Наверное, они приехали... Значит, официальное представление произойдет во время завтрака. Неприятная перспектива!» – подумал Джордж.

Однако, позвонив в колокольчик, с помощью Стопа, своего достойного камердинера, он старательно занялся туалетом.

Честный лакей, как уже заметили наши читатели, любил поболтать. Однако долг приличия заставил его молча дожидаться вопросов господина. Наконец, потеряв терпение, он первым начал разговор.

– Вашей чести известна новость?

– О какой новости ты говоришь, Стоп?

– Приехали молодые девушки...

– Ну и что?

– Как что? Если бы вы видели, ваша честь, что происходит на веранде! Все бегают, суетятся, торжествуют! Молодые мисс привезли с собой камеристку... индуску... по имени Скиндия... Не правда ли, смешное имя, ваша честь? Она все время смеется, такая миленькая!

– Уж не пленила ли тебя эта девушка? – спросил Джордж.

– Ах, ваша честь, – отвечал Стоп. – Я оставил свое сердце там, в Англии, в Осбери, в руках толстой Кэтти, дочери лесного сторожа, которая бела, как сливки, и красна, как роза! Я поклялся ей в верности и сдержу слово! Впрочем, она так далеко отсюда...

Джордж не сдержал улыбки.

– Э-э! – воскликнул он. – И это постоянство?

– Что делать? Плоть слаба, ваша честь: святой и тот грешил по семь раз в день. Однако я намерен оставаться верным Кэтти, если только в недалеком будущем мы отправимся в Англию, чтобы отпраздновать вашу свадьбу.

Сказав последние слова, Стоп принялся брить господина.

Джордж, рискуя порезаться, не мог оставаться равнодушным к словам Стопа и резко повернулся к нему.

– Мою свадьбу?! – воскликнул он. – Уж не сошел ли ты с ума?

– Может быть, ваша честь, – прошептал сконфуженный Стоп.

– Что ты хотел этим сказать?

– Я? Ничего, ваша честь, решительно ничего, я только повторяю то, что говорят все остальные слуги сэра Джона Малькольма. Наверное, я плохо расслышал... Умоляю вашу честь простить меня. Они утверждают...

– Что они утверждают?

– Они утверждают, что ваша честь должны жениться на мисс Марии Бюртель и что это супружество уже давно задумано сэром Джоном Малькольмом... Слуги уверены в этом, а я, увидев нынче утром молодых девушек, очень позавидовал вам...

– Они так красивы?

– Ах, ваша честь! Ах, ваша честь!

Стоп с бритвой в руке сопровождал это восклицание непередаваемой пантомимой, выражавшей его безграничное восхищение.

Потом, несколько успокоившись, он продолжал:

– Я хотя и бедный камердинер, но готов дать голову на отсечение, если ваша честь найдет подобную красавицу в Англии, Шотландии или Ирландии.

Джордж снова улыбнулся.

– Ваша честь скоро убедится в справедливости моих слов... О! Молодые мисс – целая поэма!

– Кончай говорить глупости и займись лучше моей бородой.

– Слушаюсь.

Едва Джордж успел завершить свой туалет, как в дверь постучали. В комнату вошел лакей.

– Сэр Джон Малькольм просит вашу честь спуститься в зал, – объявил он.

– Предупредите отца, что я приду через несколько минут.

Бросив беглый взгляд в зеркало и убедившись, что туалет безукоризнен, он спустился в зал.

Джон Малькольм подошел к Джорджу и, взяв его за руку, подвел к молодым девушкам, сказав веселым, но в то же время дрожащим от волнения голосом:

– Мария, Эва, мои милые дети. Представляю вам того, о ком так часто говорил, – моего старшего сына Джорджа Малькольма.

Джордж поклонился молодым девушкам в английской манере, девушки протянули ему с грациозной фамильярностью свои руки. Он поднял на них глаза и впервые в жизни почувствовал себя ослепленным красотой.

Глава XIII

Крик совы

Как мы уже сказали, Джордж Малькольм был потрясен... Между тем ни Мария, ни Эва не были одарены необыкновенной, неслыханной красотой, которой так щедро награждают своих героинь некоторые романисты. Но зато обе они обладали более чем красотой. Они были полны такой грации, прелести и чистосердечия, что походили, скорее, на ангелов, чем на земные существа. Старшей из них, Марии, шел девятнадцатый год; роста она была выше среднего и прекрасно сложена. Густые шелковистые черные волосы, от природы вьющиеся, составляли великолепный контраст с темно-голубыми глазами и необыкновенно белым лицом, в котором просматривались твердость и открытость.

Эва была ниже сестры, но так же обворожительна – со своим контрастом: у нее были черные глаза и белокурые волосы.

Джордж Малькольм, стоя перед Марией, не мог отвести глаз от нее. И это продолжалось так долго, что Мария невольно начала улыбаться. Джордж заметил улыбку. Боясь показаться смешным, он, сделав над собой усилие, победил невольное волнение и вновь стал хладнокровным, как прежде, то есть светским человеком, уверенным в себе.

Мария и Эва были застенчивы, впрочем без всякой неловкости. Рядом с Джоном Малькольмом и Эдуардом они считали себя в своем семействе. А Джордж был сыном одного и братом другого. Поэтому сестры не могли считать его посторонним. Быстро привыкнув к его обществу, они доказали своим умным, блестящим, но всегда естественным разговором, что не только умны, но и прекрасно образованны. Джордж Малькольм получил сильный громовой удар, как говорили в восемнадцатом столетии. С ним произошла быстрая метаморфоза. Образ незнакомки в бархатной маске, занимавшей большое место если не в сердце, то, по крайней мере, в его воображении, исчез, подобно приятному сновидению, в ту минуту, когда он увидел невинное лицо Марии Бюртель.

Около двух часов дня молодые девушки, утомленные путешествием, пошли отдохнуть, чтобы вновь появиться к ужину.

– Ну что, сын мой? – спросил Джон Малькольм. – Что ты думаешь о моих воспитанницах?

– Это два ангела! – восторженно ответил Джордж.

Отец улыбнулся.

– Итак, ты согласен, что, говоря о Марии и Эве, я несколько не преувеличил их достоинств?

– Конечно, нет. Они оказались лучше, чем я воображал.

– Таким образом, тебе не нужно принуждать себя, чтобы жениться на Марии?

– Я буду счастливейшим человеком, дав ей свое имя.

– Будешь ли ты ее любить?

– Я уже влюблен в нее, или, скорее, обожаю ее, потому что слово «люблю» в этом случае недостаточно точное.

Джон Малькольм с сияющим лицом взял руки сына.

– Ах, милый Джордж, – прошептал он взволнованным голосом. – Бог милосерден, осчастливив меня в старости! Видеть Марию твоей женой, а Эву женой Эдуарда было моим самым горячим желанием. Если оно исполнится, то мне больше нечего желать для счастья моей семьи. Если Господь позволит мне окончить начатое мной дело, которое навсегда должно утвердить в Индии могущество моего отечества, то я умру спокойно.

Когда Джон Малькольм произносил эти слова, голос его дрожал и на глазах появились слезы.

– Умереть, отец?! – воскликнул Джордж. – Зачем говорить о смерти в ваши годы? Вы совершенно здоровы! Бог милостив, как вы сказали, а я прибавлю – Бог справедлив. Он продлит вашу жизнь, чтобы вы были счастливы с нами.

Джон Малькольм не ответил. С нежностью он привлек сыновей к себе и молча поцеловал их.

За ужином молодые люди встретились вновь. Мария и Эва, одетые в белые платья, выглядели еще прелестнее. Ужин продолжался долго. Уже около девяти вечера Джон Малькольм, его сыновья и воспитанницы вышли в сад, наполненный благоуханием цветов.

Джордж, Мария, Эдуард и Эва медленно шли вдоль аллеи. Изредка у кого-то из них вырывалось слово, которое оставалось без ответа, потому что молодые сердца и благородные, чистые души без слов прекрасно понимали друг друга.

Джон Малькольм, сердце которого переполняло ощущение полного счастья, следовал за детьми на некотором отдалении. Он с восторгом уже называл Марию и Эву своими дочерьми. Взгляд, изредка бросаемый им на детей, был переполнен нежностью.

В эту минуту судья представлял себе будущее в самых радужных цветах, забыв о той страшной опасности, которая, подобно дамоклову мечу, висела над его головой и каждую минуту могла все разрушить.

Вдали, на часах дворца лорда Синглтона, губернатора провинции Бенарес, пробило десять. Едва бой часов затих, как раздался троекратный крик совы.

Джордж, мгновенно услышавший его, вздрогнул, как человек, только что проснувшийся от ужасного сна. Мы знаем, что этот сигнал заставлял сильнее биться сердце Джорджа, поднимая в его душе бурю желаний. Но в эту минуту было далеко не так. Сигнал, ожидаемый еще вчера с таким нетерпением, подействовал на молодого человека как внезапный удар грома, заставив его вздрогнуть.

«Я не пойду! – решил он. – Не пойду больше! Не пойду никогда!»

Все сказанное нами, естественно, произошло значительно быстрее, чем мы описали.

Мисс Мария почувствовала, как рука, на которую она опиралась, вздрогнула, и, повернувшись к старшему сыну Джона Малькольма, с беспокойством спросила:

– Что с вами, сэр Джордж?

– Ничего, мисс Мария, – прошептал молодой человек, – решительно ничего. Что может случиться со мной?

– Не знаю, но вы вздрогнули.

– Наверное, это было непроизвольное движение...

– А не был ли причиной этого движения крик совы?

– Вы его слышали?

– Да, и испытала неприятное чувство. Подобно и вам, сэр Джордж, не так ли?

Джордж поклонился.

– Не отрицаю, мисс Мария, вы угадали.

– Считают, что сова предвещает смерть своим криком, садясь на крышу дома того человека, который должен покинуть этот мир, – продолжала молодая

девушка.

– Я слышал об этом, но было бы нелепо верить предрассудкам.

– Вы принадлежите к числу неверующих, сэр Джордж?

– Ничуть. Я верю только тому, чему позволяет верить здравый рассудок.

– Почему же вы вздрогнули?

– Вероятно, потому, что этот крик раздался в тишине, и так внезапно, как фальшивая нота во время концерта.

– И вы не испытали страха?

– Никакого.

– И никакого предчувствия?

– Нет, ни малейшего, уверяю вас.

– В таком случае вы храбрее и счастливее меня, потому что, признаюсь, этот крик среди тихой ночи показался мне предзнаменованием какого-то близкого несчастья.

Слова Марии странно совпадали с тайными мыслями Джорджа.

Глава XIV

Согор и незнакомка

Согор, стоя возле двух лошадей и поджидая Джорджа, оперся о ствол старого дерева. Обыкновенно проходило не более минуты после крика совы, как

раздавались шаги молодого человека. Но в этот вечер, как мы уже знаем, зов остался без ответа.

Индуc по своей природе терпелив. Сначала Согор ждал равнодушно. Но после того, как прошло восемь или десять минут, ему показалось странным, что он не видит до сих пор молодого англичанина, и он подумал: «Вероятно, господин не слышал сигнала». Поднеся к губам кулак, индуc вторично закричал, удивительно точно подражая ночной птице.

Джордж Малькольм все еще находился в саду с отцом, братом и двумя девушками. Он ожидал второго крика. И, услышав его, опять почувствовал сильное волнение. А Марии вдруг стало плохо, и она дрожала как в лихорадке.

– Ради бога, сэр Джордж, пойдите домой. Эти ужасные крики сильно действуют на меня. Смейтесь, если хотите, над моей слабостью, но вы не разубедите меня в том, что эти крики не к добру. – Мария поняла, что силы покидают ее, и она упала бы, если бы Джордж не подхватил ее.

– Боже мой! – закричал сэр Джон, страшно забеспокоившись. – Что случилось?

– Ей внезапно стало плохо, отец! – испуганно ответил Джордж. – Как ей помочь?

– Скорее в дом! Это минутное недомогание, оно быстро пройдет...

Джордж, подняв Марию на руки, быстро прошел расстояние, отделявшее его от дома. Эва, Эдуард и сэр Джон едва поспевали за ним.

Когда он, поднявшись по лестнице, вошел в зал, Мария была уже без сознания, ее длинные ресницы опустились на глаза, под которыми образовались синие круги.

Джордж бережно положил Марию на диван. Эдуард побежал за доктором, а Эва в свою комнату за лекарствами. Джон Малькольм тер Марии виски платком, смоченным водой.

Старания оказались не напрасными. Мария вздохнула, потом открыла глаза. Так как обморок продолжался недолго, она не забыла случившегося и смущенно

сказала:

– Я очень смешна! Не опровергайте этого. Да, я очень смешна. Я не знаю, что сегодня на меня нашло. Столько раз я слышала крики совы без малейшего волнения! Почему же сегодня эти крики произвели на меня такое действие? Не понимаю и не могу объяснить этого. Может быть, это от усталости после дороги или же от радости, что снова нахожусь в доме моего милого опекуна?..

– Да, да, дитя мое, – с живостью отвечал Джон Малькольм, – все так, не сомневайся в этом». – Он прикоснулся своей рукой к беленькой ручке молодой девушки.

– Разве у меня лихорадка? – спросила она, улыбнувшись.

– Небольшая, но несколько часов крепкого сна прогонят ее. Только нужно лечь спать как можно скорее. Я с Эвой провожу тебя в комнату. Дай одну руку мне, другую – сестре.

Мария уже встала. Засмеявшись, она ответила:

– А! Я сильнее, чем вы думаете! Мне не нужна поддержка, я поднимусь сама...

И в самом деле, молодая девушка довольно быстро прошла через зал. Подойдя к порогу, она обернулась:

– Простите, милые друзья, несносную Марию за сегодняшний вечер. Завтра, с Божьей помощью, вы увидите другую Марию...

С этими словами она подставила лоб Джону Малькольму, затем поднялась по бамбуковой лестнице, почти не опираясь на перила.

Отец и сыновья остались на несколько минут вместе, говоря о том, что так внезапно прервало хороший вечер. Джордж, мечтавший остаться один, чтобы предаться размышлениям, попросил у отца разрешения уйти в свою комнату.

Войдя к себе, он запер дверь, вышел на балкон и, облокотившись на его решетку, тяжело задумался.

Между тем Согор и после вторичного зова продолжал ждать. Но его уверенность сменилась удивлением, когда он понял, что и второй крик остался безрезультатным. И ему пришла в голову мысль, что, может быть, Джорджа нет дома. Желая убедиться в этом, он оставил лошадей на попечение негра, который был с ним, а сам направился к саду.

Согор сразу заметил, что дом освещен. Но он долго ждал, пока в одном из окон не увидел Джорджа, в чем, надо признаться, он не ошибся. Итак, молодой человек был дома и, конечно, слышал сигнал. Если он не пришел, то какая-то неизвестная причина помешала ему.

Согор обычно исполнял буква в букву приказания, полученные от женщины, известной нам только по своим странным капризам, но никогда ничего не делал в нарушение приказа.

Поэтому он вернулся к лошадям, вскочил на одну из них, сделав знак негру сесть на другую, и помчался ко дворцу, через порог которого Джордж переступал не иначе как с завязанными глазами.

Быстро миновав анфиладу роскошно убранных комнат, через которые обычно он вел за руку молодого англичанина, Согор подошел к будуару. Услышав шаги, женщина надела маску на лицо.

Согор приподнял портьеру из китайского атласа, отделявшую зал от будуара. Затем переступил порог комнаты со сложенными на груди руками и почтительно склонил голову.

– Ты один? – сразу же спросила женщина.

– Да, – прошептал Согор.

– С Джорджем Малькольмом что-нибудь случилось?

Индус отрицательно покачал головой.

– Так его нет дома?

– Он дома, госпожа.

– Может быть, он не слышал сигнала?

– Я повторил сигнал два раза.

Незнакомка порывистым движением сорвала с себя маску. Лицо ее было бледным.

– И он не ответил?!

– Нет, госпожа.

– Значит, он не хотел следовать за тобой, – продолжала она с необыкновенной горестью. – Он больше не придет!

Согор ничего не ответил.

Большое венецианское зеркало висело как раз напротив молодой женщины. Она ненароком бросила в него взгляд, и зеркало отразило ее поразительную красоту. Гордость мелькнула в ее глазах, брови раздвинулись, а на губах появилась улыбка.

– Невозможно! – прошептала она. – Разве я отношусь к тем, которых бросают? Наверное, важная причина помешала ему сегодня следовать за Согором. Эту причину я хочу знать. Я хочу, чтобы Джордж пришел! Он придет, и если нужно будет удержать его, я сделаю то, что никогда не делала... Я сниму маску и покажу свое лицо! Да, я сделаю это, потому что люблю его!

Эти слова были произнесены очень тихо, и до Согора долетел только неясный шепот.

Незнакомка обернулась к индусу и сказала:

– Согор! Ты должен вернуться туда, войти в дом Джорджа Малькольма, увидеть его и сказать, что я жду.

– Хорошо, госпожа.

– Он должен следовать за тобой. Ты понял?

– Я скажу ему это, госпожа, но...

– Ну, что же? – с нетерпением воскликнула женщина. – Договаривай же, Согор!

– А если он откажется?

Гордая улыбка промелькнула на ее губах. Она снова бросила взгляд в зеркало.

– Он не откажется.

Индус поклонился, а женщина продолжала:

– Иди же, мой верный слуга! Иди скорее, а возвращайся еще быстрее.

Не успела она договорить, как Согор исчез со скоростью, свойственной лишь индусам.

Его отделяло от дома Джорджа не более полумили. Согор, сопровождая раньше англичанина, делал бесчисленные повороты, чтобы сбить его с толку. В эту же ночь, имея другую цель, он, как говорится, мчался во весь дух. Лошадь, пущенная в галоп, бежала подобно фантастическому коню из древних баллад.

Индус сошел с лошади на своем обычном месте. Сбросив с себя плащ, который мог помешать ему, он перескочил через забор и проник в сад, окружающий дом.

Глава XV

Согор и Джордж

Осторожность индусов вошла в поговорку, так же как и осторожность змеи, но нужно помнить: человек ее намного превосходит.

Хитрый, как и все из его племени, Согор прежде всего постарался уничтожить даже намеки на свое прибытие. Потому, вместо того чтобы идти к дому по аллеям, на песке которых могли остаться его следы, он пошел по траве, зная, что, примятая ночью, она поднимется к утру под живительной влагой росы.

Наконец он достиг дома.

Несколько окон были еще освещены. На нижнем этаже светился огонек в кабинете Джона Малькольма, наверху – в комнатах двух сестер и в спальне Джорджа.

Согор не мог войти в дом, не зная расположения комнат.

Он рисковал столкнуться с лакеем, который сразу бы поднял шум.

Поэтому Согор подошел к нижнему освещенному окну, стараясь проникнуть взглядом во все уголки комнаты. Он увидел старика, сидевшего в кресле и перебиравшего большие связки бумаг.

– Это отец, – прошептал Согор, направляясь к тому месту, где располагалось открытое настежь окно Джорджа.

«Здесь, наверное, он», – подумал индус.

У каждого из окон первого этажа был небольшой выступ. Вьющиеся растения обвивали прутья его решетки, предназначенные для этого, и превращали окна как бы в корзины с цветами.

Согор, несмотря на свой высокий рост, соединял в себе ловкость обезьяны с гибкостью пантеры. Он ухватился за железные прутья, казавшиеся слишком слабыми, чтобы выдержать тяжесть тела, и одним прыжком достиг верхнего балкона.

Заглянув в окно, он убедился, что ни в чем не ошибся. Дождавшись минуты, когда молодой англичанин повернулся к нему спиной, Согор прыгнул в комнату.

Джордж видел Согора обычно в белом одеянии, скрывавшем его с головы до ног, поэтому не мог узнать сразу же, – лишь однажды в присутствии Джорджа он сбросил свой плащ. Мы должны прибавить, что геркулесовская фигура и далеко не ангельское выражение лица этого человека, к тому же в такой поздний час, отнюдь не были приятны хозяину комнаты.

Чрезвычайно удивленный и немного испуганный этим неожиданным появлением, Джордж уже хотел было закричать, а рука его потянулась к оружию.

Согор остановил его жестом, прошептав:

– Никого не зовите. Не нужно защищаться. Я не враг. Я тот, кто напрасно ждал вас целый вечер на дороге.

– Мой проводник...

– Да.

– Зачем вы пришли ночью в этот дом?

– За вами. Проводить туда, где вас ждут.

По губам Джорджа пробежала самодовольная улыбка.

– Она знает, что вы звали меня два раза, а я не ответил?

– Знает.

– И все-таки велела вам вернуться?

– Да. «Иди, – сказала она мне, – скажи ему, что я жду его, и он придет».

Джордж некоторое время молчал.

– Пойдемте, – продолжал Согор, – лошади ждут нас.

– Поезжайте без меня, – возразил Джордж, – я не поеду с вами.

Согор сделал порывистое движение, на его лице отразилось удивление. Он не верил своим ушам. Неповиновение казалось ему невозможным.

– Я приехал, чтобы взять вас с собой, – прошептал он.

– Я понял, – сказал Джордж, – но не все желания осуществляются. Вы приехали один, один и уедете.

Согор покачал головой.

– Это невозможно, – сказал он.

– Ну почему же?

– Госпожа приказала, и ей нужно повиноваться!

– Вы обязаны ей повиноваться и хорошо делаете, говоря так. Вы – верный слуга и достойный человек. Если когда-либо место, которое вы занимаете, будет вами потеряно, я с удовольствием возьму вас к себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/de-montepen_ksav-e/mest-princessy-dzhelly

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)